

18+

Агния Аксаковская

Нам больше нравится ночь

Агния Аксаковская
Нам больше нравится ночь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51140808

ISBN 9785449825285

Аннотация

В гимназии Софьи Штокфиш, в старом городе на берегу реки происходят странности – забавные и не очень приятные. Городские легенды напоминают о себе. Кира, Нюта и Лиля, завтрашние выпускницы, готовятся к зимнему балу.

Содержание

Гимназия Софьи Штокфиш	5
1	5
2	17
3	29
4	41
5	53
6	64
7	75
8	89
9	100
10	106
Ворон в городе	114
1	114
2	126
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Нам больше нравится ночь

Агния Аксаковская

Иллюстратор KELLEPICS

Корректор Эстэр

© Агния Аксаковская, 2020

© KELLEPICS, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-2528-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гимназия Софьи Штокфиш

1

– Я не хочу этого. Не хочу... туда.

Беленькая Нюта искоса, из-под выбившейся на щёку прядки, посмотрела на подругу. Нюта была совсем светлая блондинка, с нежной серебринкой в тонких косах, и потому, когда она вот так паялилась, её серые глаза, с двумя голубятами в глубине, казались глуповатыми – такая беспредельная мудрость шестнадцатилетней светилась в них.

– Совсем не хочешь?

Темноволосая Кира холодно стиснула губы – их рисунок уже определился и вызывал сокрушённую улыбку её мамы, анемичной, пахнувшей пудрой женщины, немолодой, согласно представлениям подруг её дочери.

– Как противогаза на выпускной. – Отрезала она.

Река, заметная среди домов и деревьев внизу, у основания улицы, по которой они поднимались, неизвестно почему давала далёкий отсвет до самой развилки под тополями, да, похоже, и на весь город, лежавший у воды и всем своим могучим уездным телом приникавший к новой гранитной набережной. Неспешные, обманчиво спокойные волны по-кошачьи ластились к берегам. Тайнственная способность

великой реки чувствовать даже на окраинах, где она была видна лишь из окон старых особняков, никого не удивляла. Те, кто родился в этом городе, не отделяли себя от реки, как Закон Жертвы не отделяет себя от Закона Любви.

Сейчас кроткий свет отметил карие глаза Киры, скользнув по их поверхности – глубже даже он не смог бы проникнуть.

Нюта поняла, что подруга не собирается тратить на неё серьёзных аргументов, но ничуть не обиделась – у юной блондинки с ясными глазами был безмятежный, как весенний ветерок, характер.

Они неторопливо шли вверх к своей гимназии, прозванной среди мужественной половины молодого населения города монастырём. Только шестнадцатилетние девочки способны вот так идти в скучное место прекрасным утром ранней осени и болтать об очень важных вещах.

– Ты боишься того, – заговорил мурлыкающий и чуть хрипловатый голосок, и обе невольно замедлили шаг и обернулись на девочку, шедшую немного в стороне и с загадочной улыбкой разглядывающую свои новые ботики, довольно, кстати, уродливые, хотя об их хозяйке не сказала бы дурного слова даже Санька-кавалеристка, учительница физкультуры.

(Та была старая дева или молодая женщина, это как кому угодно, и обладательница весьма длинного и острого языка, который подмечал все особенности нестандартных девичьих фигур. Кроме того, у неё были ноги. Так говорить неграмотно, но просто все, кто смотрел на Саньку, первым делом за-

мечал, что видит ноги. Девочки усматривали в них ту особенность, которую и отметили со всей силой мстительности обиженных нимф.)

– ...ты боишься, – сделав обычную паузу, на которую почему-то не сердились не терпящие долгих размышлений учительницы монастыря, продолжала третья собеседница, – что твоё тело изменится, когда ты вернёшься? Что ты превратишься в чудовище?

Кира без раздражения поглядела на бледное, сердечком, лицо, вокруг которого неистово вились тёмно-рыжие волосы. Конечно, они не вились, как это предполагает активная форма глагола, они просто были курчавы, но, глядя на этого подростка, любому представлялось, что над головой у девочки движется вспыхивающий, едва ему представлялась малейшая возможность, щедро нарисованный нимб. Однако этот нимб не свидетельствует о святости, подумала Кира, о нет.

– Я не боюсь. – Мягко ответила она на вопрос. – Я не боюсь, Лиля. Этим ты меня не заденешь. – Ещё мягче и тише добавила она.

Лиля удовлетворённо кивнула, так что нимб качнулся над её матовым лбом. Вид она хранила серьёзный, зато в том, как она поправила на плечах ранец и в том, как слегка разжался её пунцовый круглый рот, сквозила насмешка.

– Тогда что? – Молвила рыжая. – Тебе, может быть, противно?

Она нарочито, как всё, что делала, понизила свой глуховатый голосок.

— Ну, в смысле, что никто не знает, что происходит *там*. Никто ведь не помнит.

Прохожих на улице, некруто взбиравшейся от реки к более тихим районам, где располагались конторы и далее, к вынесенным за черту индустриальным предприятиям, было немного в этот час. Рабочий день в городе по прежнему начинался *очень рано*, во всяком случае — раньше, чем подобало бы столь большому и вполне цивилизованному городу, особенно если учесть ту роль, которую ему довелось сыграть в последние несколько лет.

Всё это была так называемая чистая публика — хорошенькие, как на подбор, домохозяйки, одетые с истовой верностью столичной моде, из тех, что обзванивают все магазины, прежде чем посетить их на благо своим семьям, да кадровые военные, которых в городе всё ещё было такое изобилие, что надежда появилась у самых удручённых матерей — грудастые, поджарые, в зеркальных сапогах, эти молодые ребята блюли такую же фронтовую скрупулёзность относительно подворотничков и прочего, как домохозяйки относительно шляпок с дырочками и подплечников, которые, как слышно, скоро выйдут из стиля.

Помимо привычной армейской опрятности, такой градус добродетели объяснялся неискоренённой семьёй мирными годами строгостью Штаба — вполне могли завернуть посреди

улицы офицера в расстёгнутой на одну пуговку гимнастёрке. Девочки из монастыря, пофыркивая, повторяли историю про старлея, которого таким манером определили мыть полы в военкомате. Этот юный пилот и блестящий адъютант блестящего маршала, из тех, что выдвинулись в годы войны, приехал на побывку из своей части, успев, по слухам, принять участие в знаменитой «Короне» – лётных манёврах над главной площадью в честь Победы. Он решил перед тем, как вернуться домой, пройти по улицам родного города и посмотреть, как отстраивают набережную. Патруль остановил его именно из-за расстёгнутого воротника, и парень явился к крайне встревоженной родне на три часа позже обещанного. Будучи лёгкого нрава, он якобы так-таки и брякнул на все расспросы матери и сестёр, что вымыл полы в комендатуре до блеска. Таким образом, выразился один остряк, его блеск не пострадал.

Но в это утро гимназисткам не встретился ни один из этих ребят с прошлым, исполненным грома и молнии и самым неопределённым будущим. Только две или три *молошницы* с того берега, привозившие гигантские бутылки в сумках, которые они надевали на шею, спешно спускались к перевозу с утомлёнными лицами. Бутылки на их спинах были блаженно пусты.

Кроме того, их несколько раз обогнали ученики из первой мужской. Им требовалось завернуть в переулок по левую руку, и двое старшекласников обернулись на «монастырок».

Девочки искренне не обратили на них внимания, только отметили автоматически, что мальчики в форменной одежде. В этом учебном году её ввели окончательно и бесповоротно.

– Так тебе противно, что ты никогда не узнаешь, что там было? – Повторила Лиля, поскольку Кира смолчала.

– Нет, я бы не сказала так... – Точно продолжая думать о своём, ответила девочка.

Она обернулась к заскучавшей Нюте, которая, решив, что разговор подруг её не касается, разглядывала витрину «Ателье» и время от времени отдувала лёгкие серебристые пряди, щекотавшие её маленький нос.

– Посмотри, который час, пожалуйста. – Попросила Кира.

Нюта тотчас оживилась и, старательно задрав рукавчик осеннего пальто, сшитого в этом самом «Ателье», причём, из специально купленного отреза, а не перешитого из отцовской шинели или трофейных тканей, не сощурила, а выпучила ясные глазки на квадратный в металлической оправе циферблат. Она явно потратила больше времени на то, чтобы полюбоваться оправой часов, чем на положение стрелок.

– Без десяти восемь. – Наконец не без усилия оторвав милые гляделки в загнутых редковатых ресницах от своего запястья в вылезшем из-под рукава пальто кружеве манжетки, сообщила она.

– Семь пятьдесят. – Автоматически поправила Кира. – А первый звонок в нашем театре в восемь пятнадцать. Да

ещё сменку обувать.

Большинство жителей города без различия возраста и пола предпочитали военную точность в обозначениях времени и места. Лишь немногие, вроде тюхи и кисейной барышни Нюты, обозначали бег времени в сугубо гражданской терминологии. К слову, из трёх приятельниц только у неё были часы. Лиля рассчитывала получить такой шикарный подарок от родителей к окончанию семилетки, а ведь тогда она уже будет... вид часов снова вернул её мыслишки под рыжей копной к теме разговора, который они вели уже двадцать минут.

...С того момента, когда Кира вымахала Лильку со двора в окно коридора большого офицерского дома, поделённого твёрдой рукой Штаба на двадцать семь коммунальных «квартир» для среднего офицерского состава и особо важных штатских спецов. Разговор лишь на минутку приутих, пока обе подруги высвистывали у ворот превосходного особнячка, расположенного в стороне от улицы в золотой пене акаций, проспавшую, как водится, Нюту. Та появилась на крыльце в своём прелестном пальтишке, которое выскочившая Нюткина мама оправила на тоненьких дочкиных ногах. Мама, пухленькая и приятно растрёпанная, приветливо прокричала что-то девочкам.

Нютка, пахнувшая какао с отнюдь не порошковыми «союзническими» сливками, была ещё не в себе, и подружкам пришлось уделить изрядно времени на утренние поддразнивания. Лиля при этом не раз ловила взгляд Киры, брошен-

ный на блондинку. В этом взгляде скользило независтливое изумление. Похоже, Кира, жившая, сколько помнила себя, в холодной времянке на окраине у реки, откуда не укатили полевых кухонь семилетней давности, искренне не понимала, как можно проспать и какое удовольствие можно получить от завтрака, который приготовила тебе мама, а не наоборот. Впрочем, темноволосой «хмурке» ни разу не изменило её чувство юмора, и в том, как она проходилась насчёт барышень, которые любят нежиться в постели, не было ничегошеньки такого, ну, ничегошеньки.

Лилька вскользя заметила, что тоже любит лежать в постели.

Кира смирила небольшими проницательными глазами приятельницу, лениво пинающую носком ботика островок пожухшей осенней травы. Густые коричневые ресницы прикрывали зелье Лилькиных глаз, лишь по губам, таким ярким в прохладное утро после некрепкого чая с чёрным хлебом, можно было прочесть странную усмешку.

– Не сомневаюсь. – Коротко ответила Кира.

Лиля подняла ресницы, медленно, как веер, и с вызовом посмотрела чуть свысока – в это лето рыжая переросла подружку. Ненамного, но сантиметра три между ними набежало – вполне достаточно, чтобы смотреть свысока не нарочно.

– Если не подберём повыше хвосты, надзирательница выставит нас у печки. – Мрачно заметила Кира и пошла быстрее.

Она-то и не думала ни о каких персональных часах. Такой подарок маме не скоро будет по карману её вытертого доводенного плащика.

Крепкая приземистая фигурка наклонилась вперёд, точно Кира собиралась скользить по ледяной поверхности. Лиля, тоже зашагавшая веселее, обметала полами длинноватого плаща изящные щиколотки. Сунув руки в карманы, что строго воспрещалось на бывшей Дворянской улице, ведущей в «монастырь», она сказала в никуда:

– Странный мир, как задумаешься. Планета болтается в пустоте, как бильбоке, вроде тех, что присылали в подарок союзники. Реки не могут течь в гору. У мужчин растёт борода. А все подростки исчезают на три дня в никуда и, вернувшись, ничего не могут объяснить.

Кира искоса смотрела на подругу. На такие пространственные речи Лиля расщедривалась редко. Хотя они говорили о многом... Да, о многом с той поры, когда сблизились – они трое, столь разные, что диву даются учителя и родители. О чём, мол, им стрекотать? Зубрилка Кира, сама беспечность Нюта и рыжая Лиля, которую не загонишь ни под одно определение.

«Сама беспечность» хихикнула. Они подходили к школе, и тень густой аллеи липовых деревьев ласково накрыла лёгкие фигурки подростков. Лиля вопросительно взглянула на блондинку, Кира тоже скосилась, и во взглядах обеих читалось: ну, что ещё?

– Я вдруг подумала об *этом*... – Давясь дробным смешком, промямлила девочка. – Я представила, как вернулась и вижу, что мои платья мне малы... Мама растерянно смотрит... и меня ведут шить новый гардероб. Вот будет забавно... взрослая одежда, и вся моя.

Розовые губы девочки растянулись над мелкими белоснежными зубами, серебряные струйки волос прикрыли глаза, а слабый подбородок выпятился, придав этому ещё не оформившемуся лицу статуарную законченность.

Она сделалась изумительно прелестной и какой-то ещё, на что подружки отозвались по-разному. Кира не то, что смутилась, но как-то досадливо потупилась и короткие ресницы опустила, скрыв умные глаза, в которых мелькнула непонятная мысль, а Лиля с ленцой смотрела на хохочущую белявку, и в её ярко-зелёных глазах явно читалось насмешливое одобрение.

– Она впервые задумалась о Законе Исчезновения. – Назидательно заметила рыжая и надула пунцовый рот. – Видишь, царь Кир, что ты натворил? Наша блондинка впервые задумалась, и что она представила себе – знает один только Бог.

– Непристойно говорить в третьем лице о присутствующих.

Кира недовольно сдвинула брови. Она бы не призналась даже «на щекотушки», но её пробрало холодком оттого, что Лиля так небрежно назвала «это» по-настоящему...

как «это» называют в учебнике. Предположительно. Новых учебников по предмету им пока не выдали.

– И давайте-ка, если, и вправду, не хотите поджарить хвосты у печки...

Она выразительно подкинула на плече ранец.

– Непристойно? – Повторила Нюта и глаза её замаслились, как будто ей показали свежий пончик.

– А ты думаешь об ЭТОМ так давно и ни разу не засмеялась. – Продолжала Лиля. – У тебя плохое воображение. Верно, ты, третье лицо? – Она потрепала окончательно захлебнувшуюся и слегка постанывающую Нюту.

Та утёрла слёзку кружевным манжетом и весело закивала.

– Зато у тебя оно хорошее. – Буркнула Кира, ни на кого не глядя.

Лилия подняла глаза к багровеющим веткам дерева. Если бы кто-нибудь сидел на ветке, увидел бы, как блеснули эти глаза. Кира немедленно раскаялась. Это непохоже на неё – так огрызаться только оттого, что у Лилики от природы глаза смеются и ничего иного делать они не могут. Ну, помимо обыденных жизненных функций, они всегда смотрят прямо и в то же время будто искоса. А если смотреть искоса, можно многое что заметить. Например, звезду на небе, которую прямым взглядом только спугнёшь.

– У нас ещё есть время подумать об этом. Например, если она сбежала... эта новенькая по новому предмету.

Они втроем рассмеялись. Наверное, скучнее урока

не придумаешь. Пока у них была лишь ознакомительная встреча, и они ничего не поняли. Просто во все глаза рассматривали учительницу.

За спиной, на выходе из переуллка, оживлённо заговорили несколько голосов. Подружки не обернулись, одна Нюта дёрнула плечом, но сдержалась. Мама недавно втолковала ей, что озираться, как сова, на звуковые сигналы «девушкам твоего круга» не принято. Геометрических подробностей Нюта не поняла, но про сову запомнила.

Через минуту их обогнали старшие – совершенно взрослые девушки, одетые, как городские дамы. Они завершали девятилетнее обучение и были освобождены от ношения обязательной формы. Для них отведено особое крыло школы, расписание индивидуальное, вместо уроков читаются лекции. Качество образования в «монастыре» высоко ценилось не только в городе. «Монастырский» аттестат официально приравнивался к институтскому – ежли барышня осваивала весь девятилетний курс с успехами выше среднего, она сама имела право преподавать избранный ею предмет. Другое дело, что и «средний» уровень здесь издавна установлен по какой-то иной мерке, куда более требовательной, чем в обычных школах города.

Считалось, что обучение одних только девочек и девушек в замкнутой среде вечного женственного способствует особому сосредоточению и помогает пережить метаморфозу с меньшими потерями для юной психики.

Во время войны школа не отступилась от своих традиций, хотя и её не миновали отчаяние и лишения, как и весь богатый гордый и старый город, оказавшийся в тылу под защитой своих крепостей и удачного географического положения.

Даже бомбардировки обошлись городу сравнительно легче, чем иным городам за Лукой. Разрушено прямым попаданием несколько зданий, и почти все собраны по камушку в первый же год после войны.

И всё же утраты среди горожан случались. Большей частью объяснить их было просто – виновница война. Но было и такое, что не нашло объяснения.

За семь прошедших лет город практически отстроился, начал восстанавливать довоенные нежности цивилизации – большие магазины, где можно было увидеть хлеб, колбасу, шоколад и даже несколько видов макаронных изделий. Даже чай, даже кофе... Едва сняли ограничения на подписку, горожанки заказали себе годовые абонементы журнала с модными указаниями – правда, на обложке всегда публиковалась одна и та же картинка – женщина в безобразной робе

и фартуке, зато под обложкой начинался пир цветов и фасонов. Какой-то умный человек в администрации города позаботился, чтобы открылась заколоченная швейная лавка. Её называли «Ателье» и трудоустроили туда великолепных мастериц. Правда, эти трудоустроенные прибыли в город в такой вот одежде, как на обложке модного журнала, но уже через пару дней являли безупречность стиля. Только зубы у них были железные, но это большого значения не имеет и вообще никого не касается.

Девятиклассницы не обратили ни малейшего внимания на трёх подружек. Зато Лиля смерила их внимательным взглядом, потом взглянула на свои ботики.

– А ведь всего на два года старше. – Зачем-то произнесла Кира, хотя терпеть не могла пустых реплик.

– Они ушли, вернулись и выглядят вполне довольными. – Последовала дерзкая реплика из-под рыжего нимба.

Кира издала сквозь сомкнутые губы тихий звук. Лилия наклонилась к ней.

– Покрути ручку настройки.

Кира отвернулась. «Аристократки» уже вступали на крыльцо школы. Одна остановилась и с напряжённым лицом, морщась, откалывала от завитых волос шляпку.

– Между прочим, та, что слева, ещё не...

Кира против своего обыкновения, не скрывая заинтересованности, быстро посмотрела на Лилию.

– Почему ты так думаешь? – Негромко спросила она.

– Ну, что-то в её облике наводит на мысль, что она такая же, как ты, например... не считая того, что ты чертовски умна... в свои шестнадцать умнее, чем она будет когда-либо...

Кира на грубую похвалу не ответила, но задумалась над словами Лили.

Закон Исчезновения, который в обывательской трактовке чаще именовался «это» и «когда он или она... или я уйду...или вернусь», был не самой странной частью мира, что бы не говорила Лилия. Бывало и что постраннее, и похуже...

А «это»... Ну, подумаешь. Подросток исчезает на три дня плюс минус пара часов.

Куда – неизвестно

Исчезая, подросток оставлял какую-нибудь вещьцу на видном месте. Вот это важный момент – как будто эта зацепка мешала ему исчезнуть окончательно там, куда бы он или она не уходили. Приметка – так её называли – могла остаться в семье. Так поступали застенчивые. Кто-то оставлял Приметку на видном месте, иногда даже на людном – так случалось во время войны. Точно человек боялся, что о нём могут забыть даже родные. Надеялся, что память о нём позволит ему вернуться.

Так как девочкам важны подробности – то вот те немногие, что были им известны. Человек возвращался в той же

одежде, да и внешне мало менялся. Но он определялся на всю жизнь. Иные, как припечатала безжалостная Кира, возвращались сразу с булавкой в шляпке... другие менялись в лучшую сторону.

Кира взглянула, но дверь школы уже закрывалась за вошедшими. Кира нахмурилась, на лбу у неё проступила вертикальная черта. Лиля не в первый раз видела это излишество, и оно ей совсем не нравилось.

– Я узнала одну из них. – Сказала Кира.

– Да ну?

– Та, у которой шляпка прямо к мозгу, очевидно, приколотая. Надо же было так измениться. Я её помню... до...

– А что? – Поглаживая ремни грубого ранца на узких плечах, спросила Лиля.

Кира отметила с присущей ей и не всегда нужной наблюдательностью это движение. Будто это не ремешки, выкроенные из парашютной упряжи поверженного врага и полученные по ордеру в распределительном центре, а что-то иное, более лёгкое... легковесное, нежное и упругое. Кира почувствовала, что невольно покраснела – от досады на свою наблюдательность.

– А то, что была умная... умный человек... А посмотри на неё теперь? Какие у неё интересы?

Кира сделала презрительный жест маленькой короткопалой рукой – перчатки она не носила, а зимой надевала ва-

режки домашней вязки.

– Тряпки!

Кира насупилась. Рыжая внезапно с необыкновенной мягкостью сказала:

– А ты, конечно, права.

Кира испытующе глянула на рыжую. Лиля оправляла перчатку на худых пальцах – удивительно, какие длинные они. И ресницы у неё длинные, и ноги. И руки, мстительно подсказал кто-то чужой в Кириной голове. Но Кира Добрая отмахнула вздорную злинку.

Примириительно положив руку на Лилино плечо, она молчала. Девочки свернули вместе с улицей – здесь та раздвигалась. По правую руку на обихоженной, заново выложенной мостовой высилось полуразрушенное здание. Несмотря на то, что оно было обломано с боков чьей-то страшной рукой, и верхушка его пострадала, впечатление оно производило грандиозное. Опалённый косым попаданием накренившийся охранный знак в человеческий рост напоминал остов фигуры. Девочки не имели желания рассмотреть его, даже Нюта не осмелилась задержаться взглядом на чёрном скособоленном силуэте, нарисованном на прозрачном небе сентября.

– Будут отстраивать. – Сказала Кира. – Я читала в газете, принято решение, из уважения к чувствам верующих, принявших активное участие в защите города.

Нюта о чём-то усиленно думала.

– А другие необычные дома? – Спросила она.

Кира усмехнулась.

– Тебя это интересует?

Нюта кивнула.

– У меня папа методист.

– В необычные дома, – вмешалась Лилька, – можно ходить не только верующим.

– А. – Сказала Нюта. – Только он сюда не пойдёт.

И она показала, чтобы подруги не ошиблись, пальцем на скорбно молчавшее здание. Кира мгновенно перехватила её руку.

– Нюта, неприлично показывать пальцем.

Нюта выдернула пальчики из Кириной ладони.

– Подумаешь. – Заметила она без обиды. – А вот ТО, потвоему, прилично?

И она немедленно вновь простёрла свою маленькую длань.

Девочки на сей раз не переглянулись. Все три молча и не сговариваясь, сошли со своей дороги на мостовую к зданию и, обойдя его, усталились на контрфорс с вплавленным в ткань стены помутневшим витражом. Здесь возле окна, ответившего мёртвым взглядом, в полуметре над помятой травой, висела, накрепко вбитая в кирпичи строительным циркулем обычнейшая самого прозаического вида мужская шляпа.

Это определённо была Приметка.

В целом ничего такого, вполне приличная вещь, этак сдержанно намекает на сильный характер удалившегося в странное путешествие.

И, тем не менее, в этом месте, на стене этого дома, Приметка наводила на тревожные, если не мысли, то ощущения.

Кира поморщилась. Замечать Приметки посреди улицы вроде было не принято. Но что уж – Ньюта права. Устроиться вот здесь на одной из старинных улиц города, на повороте от школы... ничего не скажешь. Но слова у неё нашлись.

– Не спорю. – Сказала она.

Лиля усмехнулась. Обе посмотрели на неё.

– Когда, интересно, объявили, что «это» нельзя делать именно вот здесь?

Кире давно расхотелось спорить, но она вяло ответила:

– Общественное здание... – И тут же замолчала, поняв, что подобрала неверный аргумент.

Приметки – причём, отнюдь не такие солидные, как эта злополучная шляпа, можно увидеть на любом общественном здании, от мэрии до городского архива. Правда, это не совсем типично, но ничего запретного в том, чтобы оставить память о себе на виду, нет. К тому же, годы войны внесли свою коррективу – во время бомбардировок люди часто теряли самообладание и стремились остаться поближе к другим.

Мало ли что может случиться, пока я блуждаю неведомо

где? И куда я вернусь?

Были и смутные размышления, насчёт целостности того, *другого места*. А вдруг оно тоже подвластно бомбам?

Таков был, вероятно, ход мысли.

Нельзя и сбрасывать со счетов, что *событие* происходит не в том возрасте, когда человек чувствует себя полностью уверенным в своих силах... он так молод... Кира с горечью подумала, что никогда не поймёт, почему «это» должно случиться тогда, когда ты только начинаешь по-настоящему ощущать себя личностью, и мысли приходят к тебе такие новые, яркие и пугающие.

Лиле, по-видимому, этого не понять. У неё свои три аккорда, как говорит их учительница музыки – она до того молода, что это осознают даже семиклассницы. Вероятно, она вернулась всего ничего как – года три назад.

Лиля негромко сказала:

– А, по-моему, в этом что-то есть. Кто-то хочет вернуться именно сюда.

Кира прищурилась.

– Ты что, Лилька, верующая?

Та приподняла брови, рыжие и нагловатые.

– Почему ты сделала такое умозаключение?

– Ну, ты то и дело говоришь – Боже мой, Господи помилуй и всё такое. Да и минуту назад тоже что-то такое произнесла.

– Я произнесла – знает один Бог. Может, ты слышала, что бывают идиоматические выражения.

Кира прямо взбесилась от этого небрежного тона. Лиля говорила приглушенным голосом, совершенно спокойно, но с нарочитой обеспокоенностью, будто бы ей небезразлично, что о ней подумает лучшая подруга.

– Это пережитки мышления. – Стараясь говорить так же небрежно, ответила Кира. – Шелуха сознания. Вроде как если бы ты семечки грызла.

Лиля промолчала. Один ноль в пользу рыжего нимба. Ей-таки удалось вывести Киру из себя – ещё одно идиоматическое выражение, имеющее, правда, и буквальный смысл. Предположение подтвердилось тем, что Нюта с изумлением посмотрела на Киру.

– Ты обиделась? – Кукольным голоском спросила она. – Что случилось?

– Ничего. – Отрезала Кира.

Она повернулась и пошла прочь. Девочки, автоматически повинуясь её властным движениям, направились за нею, причём, первой – Лиля.

Мистические учения о нравственности не поощрялись, это все знали, но первый год войны многое изменил. Старый князь, сидевший где-то в столице далеко от речного города, потряс воображение всей страны сильнее, чем страшные сводки с фронтов. Он обратился к народу с трогающими душу и сердце словами, какие приняты в искупительных учреждениях с древних времён. Сам он когда-то поступил в училище, которое готовило духовных пастырей для служе-

ния человечеству, но был оттуда изгнан. Один за другим стали открываться храмы всех религий, а молодые священники в существующих уходили на фронт, где негласно выполняли свою работу.

Но война кончилась. Князь более таких слов не произносил, и за послевоенные годы дом, где подобало обитать светлым силам, разрушенный прямым попаданием, не был отстроен.

Девочки заторопились. Мысли об уроках вытеснили лёгкую враждебность, возникшую между ними – да она и не была серьёзной. Ведь надёжней и добрей Киры Лиля не знала. «А Лилька просто ветрена... виной всему её облик». (Словечка «внешность» Кира не любила. Оно скорее подходило Нюте, которая ведь славная девчонка... немного легковесна, но ведь у неё есть на это право, снова с горечью подумалось Кире. *Мы слишком молоды.*)

«Какое счастье, что это последний год в школе», – мелькнуло под рыжим нимбом, когда Лиля оглянулась на глупую шляпу. «Даже не подумаю продлить эту скуку ещё хоть на день».

Их давно уже обгоняли другие школьницы. Кто-то хмурился, за сморщившимся от напряжения лбом, наверное, пробегали невнимательно прочитанные строчки учебника, другие, подобно Лиле, с одинаковым удовольствием оглядывали свои туфельки и рожицу акаций в золотой чешуе.

Вдыхая осенний воздух, девочки спешили, ускоряя шаг,

к серому массивному зданию с табличкой «Гимназия Софьи Штокфиш». Гимназия, конечно, государственная, а Софья Штокфиш доживает свой век в деревне под городом, но табличка была так солидна и скромна, что, когда двадцать лет тому школу реквизировали в пользу Отечества, ни у кого не поднялась рука на эту полоску металла, такую благородную и простенькую одновременно. К счастью, то же отношение распространилось и на бывшую хозяйку.

В городе говорили, что она вложила в устройство гимназии наследство, полученное от родителей и разделённое на троих детей. Основав гимназию, тихая девушка с круглым лицом предназначила её для девочек из неимущих семей. Напротив, с другой стороны старого сквера находилась гимназия для «богатых девочек». Пару лет назад в ней помещалась контора, где в годы войны выдавали продуктовые карточки, а сейчас закупочный центр, куда привозили сахар, муку и манку, которую заказывали всякие харчевни и постоянные дворы в пригороде. И очень удобно.

В небольшом школьном дворе в подступающих акациях реял приглушённый гул детских голосов. Две старшеклассницы из тех, что привлекли внимание подружек, говорили громче остальных. Кира, проходя рядом, так что повернувшаяся девушка задела локтем её ранец, услышала слово «вечеринка». Девушка мельком скользнула взглядом больших тёмных и радостно бездумных глаз по лицу Киры и тотчас отвернулась, продолжая говорить. Другая, светловоло-

сая, указала подруге взглядом на малышню, и та слегка понизила голос.

У крыльца она вновь услышала за собой раздражающий полушёпот. Лиля, уже стоявшая на верхней ступеньке, проводила девиц спокойным взглядом.

В торжественно мрачном вестибюле, напоминающем холл старинного замка, мягко поблёскивали слабым экономическим светом большие бра, посаженные на стены низко, как ночные бабочки. Вдоль стен вытянулись длинные скамейки, где сейчас сидело около полусотни девочек из средних классов и торопливо меняли обувь – стаскивали ботики и полусапожки, открывая взгляду маленькие ноги в нитяных чулках и вдевали ступни в лёгкие туфельки, извлечённые из ранцев.

Разворачивая мешочек с нашитой буквой «Л», Лиля зорко оглядывала вестибюль. Кира, тяжело бухнувшись рядом, с солдатской сноровкой вытряхнула из газетного свёртка потёртые на носках брезентовые туфлишки со смешными картузиками, прикрывавшими складки на чулках спереди.

Она, не отрываясь, смотрела на огромную сову из раскрашенного гипса, сидевшую на больших часах. Часы с распротёртыми совиными крыльями помещались над аркой в коридор начальной школы. Там уже царила тишина – малыши приходят раньше и их сразу рассаживают по классам.

Стрелка колебалась возле первого деления. Кира дождалась того, что хотела и, как всегда, что-то неприятно шевельнулось возле сердца, когда стрелка сразу перепрыгнула на второе деление, миновала целых пять минут, словно их и не было. Но ведь они были – они текли себе из секунды

в секунду.

Такова особенность этих старомодных часов. Пожалуй, в этом что-то есть. Во всяком случае, они поторапливают таких копуш, как Нюта. Та пыхтела на уголке скамейки, запустив обе руки в ранец. Наконец, она вытащила пакет из сказочной прозрачной ткани. Пластиковые сумки были ещё в новинку, и только у Нюты на всей длинной скамейке возникла в руках эта диковина. Она медленно вытянула из сумки пару премиленьких башмаков с небольшими каблукками. Башмачки были приятного цвета и, как две капли напоминали те, что на кукле в витрине недавно открытого магазина «Детский мир».

Поймав взгляд Киры, Нюта кое-как запихнула в ранец хрустнувший пакет и показала туфли.

– Цвет называется «кофе с молоком». Венский.

Кира вскочила.

– Ты бы, милая, обулась.

Лиля засмеялась за плечом. Потирая ножкой об ножку, – с пола тянуло, – рыжая опередила подруг. Девочки вместе с целой стайкой снимающих верхнюю одежду школьниц толпились у входа в отделённое высокими витыми решётками помещение, уставленное массивными, похожими на древние эшафоты, вешалками. Неписанные правила распорядка со времён прежней хозяйки повелевали в первую очередь сменить уличную обувь, чтобы не натоптать в холле и не задавать лишнюю работу тёте Лизе.

В душевной тесноте развешанной одежды Кира снова услышала голос, который уже узнавала. За чёрной решёткой протиснулась большеглазая красавица в розовой шёлковой блузке.

— Пятница... — Говорила она светловолосой подруге. — Позовешь? И скажи, чтобы пришёл в штатском. Ненавижу подворотнички.

Старшеклассницы — светловолосая в голубом коротком платье — исчезли за поворотом. В старшие классы вела особая лестница за двойной низкой аркой, где за столиком всегда строго посматривала дежурная, охранявшая покой тех, кто ещё не уходил в горние дали, от розово-голубых соблазнов и два сосуда — один с чернилами, другой с песком для высушивания чернил.

Сосуды имели сугубо ритуальное значение. В школе давно пользовались совсем другими инструментами для увековечивания диктантов, изложений и всего прочего. Ещё во время войны, когда в город попала партия то ли трофейных, то ли союзнических штучек, не требующих чёрной крови для заправки, Анна Станиславовна перехватила их в пункте распределения. А затем, когда на секции встревожились и стали требовать возврата к исконному — то есть, к гусиным перьям, она сделала даже доклад. В докладе она мудро объясняла, что уж ничего не попишешь, гуси — большая редкость по нынешнему военному времени и нужны другим городам нашей великой страны. А её ученицы уже при-

выкли вести конспекты новыми стилосами и отучать их – просто напросто вредительство. После этого критики умолкли, но на случай посещения школы какой-нибудь комиссией приверженцев гусиной традиции она и велела держать у входа эти гигантские сосуды.

Ученицы седьмого класса потянулись из вестибюля обратно к выходу – там между входом в столовую и в спортивный зал винтом поднималась лестница, плотно устланная вытертым сукном, прихваченным железными шипами на каждой ступеньке. Запах хлорки, которую добавляли в вёдра для мытья полов, спускался к ним из рекреации второго этажа. К нему примешивался тёплый и слабый запах какао и хлеба из столовой и особенный запах спортивного зала – кожаных вытертых матов и отполированного старого дерева спортивных снарядов. Девочки заглянули – там как раз шла уборка, а у них вторым уроком физическое развитие. Уборщица мрачно протирала маты гигиеническим раствором, опустившись на колени.

Проходная рекреация второго этажа с двумя окнами от пола до потолка в лепных прикрасах вся светилась: отсюда открывался вид на лучшую часть города. Его неторопливые холмы, сплошь поросшие сквозными рощами, мягко стекали к реке. Следы военного распорядка, всё ещё приметные в центральной части, хотя в течение семи лет там не прекращались восстановительные работы, здесь выгля-

дели незначительными и затушёванными утешительным рельефом, в котором чувствовалось что-то невероятно древнее.

Напротив окна был накрепко вделан в штукатурку овальный портрет. Седовласый старик с гордо поднятой головой держал правую руку за наброшенной на левое плечо парадной мантией. Лиля почему-то при виде портрета каждый раз невольно поднимала зелёные глаза к потолку.

Там, возле светящегося вечерами, а сейчас погашенного и похожего на Сатурн светильника в кольце, архитектор поместил кусающее свой хвост акулообразное существо с очень чёткой и ритмичной линией бугорчатого хребта. Интереснее всего были его глаза – рука артиста глубоко врезала их под тяжёлые низкие надбровья с выпуклыми вертикальными зрачками. Глаза располагались так, что всякому в любом конце рекреации казалось, что они следуют за ним взглядом.

Кира перехватила Лилин взгляд, но та уже спокойно смотрела в окно, откуда косыми лучами вливался свет. Кира тоже знала о существе на потолке, и ей казалось, что в рельефе есть что-то неправильное. Она поискала слово, ибо она привыкла определять для себя всё, что встречала в жизни, но кроме глупого «неприлично» почему-то ничего не нашлось. В соседстве с изображением князя, с его мудрыми глазами существо выглядело жутковатым именно в силу того, что художник соблюдал верность принципам реализма.

Удивительно, зачем кроткой Софье Штокфиш понадобилось разрешить оформителю такой полёт фантазии – а, быть может, она сама предложила это?

Кира как-то видела её портрет: он долго висел среди прочих портретов учителей гимназии за весь период её существования, потом его сняли, а во время войны кто-то тихонько повесил его на место – в учительскую, где след от него ещё не выцвел в год постоянных затемнений. Её лицо напоминало лицо девочки, которая не прошла испытания, хотя все знали, что младшая дочь помещика Штокфиша исчезла и вернулась раньше своих брата и сестры, очень рано – пожалуй, даже аномально рано.

Девочки тихо прошли по выкрашенному в тёмно-зелёный цвет полу.

Возможно, никто кроме меня не задумывался об этом, сказала себе Кира. Ах, нет – ещё Лилька. Она каждый раз поднимает глаза к потолку и в этих кошачьих глазах мелькает неуловимая мыслишка.

– Ой. – Раздалось у Кириного плеча.

А вот Нюта, та, конечно, и не знает, что делается у неё над головой. Кира покосилась на неё – Нюта с испугом смотрела в коридор. Что это с белянкой? Услышав быковато топающие, размеренные шаги в воцарившейся перед звонком тишине, Кира с досадой цокнула.

Навстречу из тёмного и низкого, но очень широкого, как бы расползшегося коридора без окон приближалась вы-

сокая стройная фигура, затянутая посреди, как оса. Похожее на корону сооружение на голове делало фигуру непомерно высокой для коридорных габаритов.

Девочки почтительно остановились, с ужасом считая про себя секунды, оставшиеся до звонка.

Высокая фигура встала столбом, окрасившись светом в тёмно-серые неживые тона. Это была красавица завуч, грозная и величественная старуха с великолепной бальной фигурой и лицом, тонким чертам которого признаки дряхлости придали вид полуфантастического существа, вроде Богини Ночного Неба, которая смотрела с потолка в рекреации младшего этажа.

Она работала в этой школе с момента её основания, но где её отыскала смиренная Софья Штокфиш, вот вопрос. В городе говорили, что она была фрейлиной при царице в те баснословно далёкие времена, когда нынешний портрет ещё учился в своём училище и готовился к рукоположению. Случился некий скандал и случился у прелестных (хоть и немалого размера) ног фрейлины. Фрейлина сделалась учительницей, а скандал, застегнув все пуговички мундира, отправился искать смерть на бранном поле.

Выпуклые сизые глаза в упор уставились на девочек – каждой показалось, что завуч смотрит только на неё. Нюта затрепыхалась, толкаясь плечиком в пенящемся кружевном воротнике, в крепкое плечо Киры.

– Здравствуйте, Анна Станиславовна. – Громко и с досто-

инством произнесла Кира.

Довольно громко и *почти* с достоинством.

– Доброе утро, Анна Станиславовна. – Негромко и, лишь чуть побледнев под рыжим нимбом, молвила Лиля.

Нюта, похоже, прикусила язык. Лиля наступила ей не без наслаждения на кончик венской туфли.

Подскочив, девочка невнятно проговорила:

– Здр... аствуи... те, А-а... Стнсл...

Больше она к вербальной сигнализации прибегать не собиралась.

– Приветствую вас. – Прогремел низкий голос.

Он был по-юношески свеж и надменен, и только запря-
танные клокочущие отзвуки свидетельствовали о глубокой
дряхлости этого создания, непостижимого для шестнадца-
тилетних девочек.

Она наклонила голову в венце натуральных чёрных, как
крыло ворона, волос – казалось, на голове у неё и сидит эта
птица, но увеличенная во много раз.

Кира подтолкнула Нюту, и девочки, склонив головы в под-
ражание или из почтения, прошли мимо к своей двери, ко-
торая, к счастью, ещё была приоткрыта.

Кира уже перевела дыхание, когда голос прогремел снова:

– Девочка, вы потеряли свой гребешок?

Кира, решив, что обратились к ней, с неистовым гневом
обернулась – она и сама не поняла, почему вместо страха
испытала гнев. Нет, не гнев. Ярость. Сильно раздувая нозд-

ри широковатого прямого носа, она послала горгоне ледяной взгляд. Но смелость истратилась зря. Чудовище она вовсе не интересовала. Она удивлённо оглянулась. Анна Станиславовна смотрела на Нюту.

Взгляд был ощутим, как палец с выпуклым острым ногтем, коснувшийся шеи над воротом.

Белянка так перепугалась, что пошатнулась на венских каблучках и, отступив, вжалась спиной в стену. Серебряные прелестные пряди, не прихваченные в тонкие косички, теперь окружали совершенно белое лицо. Рот Нюты приоткрылся.

Гнев Киры мигом прошёл. Его сменила резкая жалость и что-то вроде болезненного злорадства – сколько она предупреждала Нютку, что эти её лохмушки до добра не доведут. Устыдившись себя, Кира шагнула вперед, желая отвлечь глыбу льда на себя. Но завуч на неё и не взглянула.

– Девочка, вы меня слышите?

Нюта, видно, плохо соображая, кто она и где находится, проблеяла:

– Я... Аннстнсл... я... больше так не...

– Как вас зовут? – Спросила завуч.

Нюта, похоже, припоминала.

– Я... Нюта... – Прошептала бедняжка.

Сильный очерк всё ещё выразительного рта шевельнулся, завуч кивнула:

– Так.

– Нюта. – Твердила девочка и, что-то сообразив, добавила, собирая пряди со лба. – Анна Тарасик.

Фигура вновь кивнула, и ворон угрожающе наклонился вперёд. Нюта откинула назад голову, будто ей грозили ножом. Удивительно, какой хорошенькой она сейчас выглядит, с щемящей болью подумала Кира. Вдруг она заморгала – на белом лбу Нюты проступил какой-то скрытый рисунок, как старый пиратский шрам под ослепительным солнцем. Это напоминало что-то слышанное когда-то. Обрывок городского суеверия, связанный с Исчезновением.

Что-то... Когда-то... Кира обругала сама себя, хоть не была суеверна. Что только не примерещится, когда из ночи в ночь думаешь об одном и том же.

– Нюта... Анна Тарасик, превосходно. Стало быть, я имею честь состоять тёзкой вашей. Надеюсь, ОН отыщется. Я по поводу гребешка. Если его, конечно, не похитили разбойники.

Кира сама не знала, что подтолкнуло её. Шагнув поближе, она громко сказала:

– В городе снова объявилась банда Штурмютцеля, Анна Станиславовна.

Лиля охнула за её плечом. Со страху Кире померещилось, что глаза завуча поворачиваются в орбитах со слабым скрипом в поисках говорящего муравьишки.

Кира, вытянувшись во весь свой маленький рост, почти-тельно и твёрдо выдержала испытующий взгляд. Завуч хра-

нила молчание. Затем тихо сказала:

– Вон оно что. Теперь понятно, кто похитил гребешок госпожи Тарасик.

Кире показалось, что голос её прозвучал иначе. Неужели в нём звякнула льдинка смешка? Нет, этого быть не может. Очень строго завуч завершила разговор:

– Ступайте.

Платье прошумело мимо них, и порыв холода – о ней говорили, что она моется только холодной водой – обдал смятённых подружек.

Кира и Лиля совершили обмен многозначительными взглядами. Нюта медленно приходила в себя, розовый отсвет возвращался на её щеки.

– Ты чего это? – Еле слышно спросила Лиля. Кира неопределённо двинула ртом.

Она повернулась к Нюте, выпрямляющейся, как растеньице после того как на него наступили сапогом, и хотела что-то сказать.

Лиля охнула, схватила обеих за рукава и потащила. Они подбежали к классу и втиснулись на порог в то мгновение, когда первая, вкрадчивая, как ультразвук, трель звонка возникла в воздухе.

Ворвавшись, как разбойники Штурмютцеля, они увидели класс, заполненный коричневыми катышками платьев, и несколько десятков глаз, устремлённых на них. Разбежавшись по своим партам – педагогическая премудрость расса-

дила их в разных концах комнаты — девочки в изнеможении попадали на свои места, не отвечая на возгласы и подтрунивания одноклассниц.

Анна Станиславовна в эту минуту стояла в рекреации спиной к слабо светящемуся окну. Взгляд на потолок она не поднимала. Гремел звонок. Зашаркали мягкие туфли, и с ведром и шваброй появилась уборщица. Женщины не обратили друг на друга ни малейшего внимания.

– Что же, Лизавета Павловна. – Заговорила, глядя перед собой, завуч. – Опять жаловались на запах?

Швабра шарк-шарк по полу.

– Ага. – Лаконичный такой звук, который вполне бы мог издать и сам почтенный снаряд для наведения чистоты.

– А вы им скажите, что ничего. Запах хлорной извести убивает всякую нечисть, полезен для дыхательных путей. Простужаться меньше будут наши барышни.

– Так и скажу. – Подбираясь к зашнурованным ботинкам, крепко обхватывающим высокоподъёмные ноги завуча, пообещала Лизавета Павловна. – А вот печки...

– Печки скоро топить...

– Займусь.

– Ну, и что же. И очень хорошо.

– А пригласить бы уже его.

– Кого? – Думая о своём и вежливо пятясь к выходу, спросила Анна Станиславовна.

Уборщица, опираясь на швабру, снизу вверх посмотрела

на завуча. Наконец, они встретились глазами.

– Ах, да. – Ровно заметила высокая красивая старуха. – А что... там есть?..

Уборщица как будто не находила слов. Завучу показалось, что она пробормотала «Ну, знаете...» Покрепче опершись на свой посох, она заговорила, тем не менее, сдержанно и учтиво:

– Сами видели, Анна Станиславовна... приоткрыть нельзя... сейчас шашть... шашть.. так и шныряют.

– Так много?

– Да, уж развелось порядочно.

– Удивительно, право, откуда они берутся.

Та позволила себе довольно громко усмехнуться.

– Уж известно. Свято место пусто не бывает, Анна Станиславовна. Ведь всё лето школа пустая стояла...

Она сделала перерыв в своей речи. Анна Станиславовна быстро взглянула на неё, не стремясь, впрочем, к зрительному контакту.

– Что, неужто они... это... и по школе?..

Завуч сделала прекрасной рукой жест, обозначающий движение, беготню. Так она делала, когда говорила о непроизвольных шалостях младшекласниц.

– А то. – Вырвалось у Лизаветы Павловны.

Она сделала шажок, приблизивший её к Анне Станиславовне

– Я-то все каникулы здесь проживаю. Так я ви-идела...

вечером из дежурки выйти нельзя.

– Неужто так это серьёзно? – Беспечно заметила красавица, но смешок, вырвавшийся у неё, прозвучал несколько нервно. – Я что-то не замечала...

Лизавета Павловна поджала губы в тени, отбрасываемой косынкой.

– Вы-то во флигеле кантуетесь, а я туточки. Как поселятся, как заселят...

Анна Станиславовна недоверчиво молчала.

– Но ведь сейчас никого вроде бы... в смысле, явно...

– Явно. – Проворчала уборщица.

Завуч взглянула на неё вопросительно.

Та оживилась, и, подойдя ещё ближе, заговорила, двигая шваброй и описывая сим инструментом полукруг:

– Конечно, много-то само поуходило... это мы тоже знаем... только спросите...

– Я и спрашиваю. – Словно пытаясь отшутиться, молвила Анна Станиславовна, но глаза её затагнуло стеклом от напряжения – такой она бывала, когда по телефону поступало очередное распоряжение начальства или когда она возвращалась с секционного совещания административных работников города.

– Покидают, значит, школу... когда детишки-то, разбойницы наши...

Уборщица поднесла руку к косынке, собираясь сдвинуть её повыше, но не сдвинула. В тени что-то блеснуло сдвоен-

ным блеском – свет из окна добрался до глаз Лизаветы Павловны.

– Ну, а иное что... оно, знаете, упорное... до холодов норовят досидеть...

– А холода будут, и ранние. – Бросила с высоты немалого роста стройная дама.

В голосе её тоже мелькнул холодок, но Лизавету Павловну было не сбить.

– Опять обещают. Того, явного, вывели... земля-то вымо-рила хладом, это мы знаем... а других всяких прочих...

Собеседница передёрнула мощными покатыми плечами – на зависть были некогда они хороши, да и сейчас придают фигуре Анны Stanisлавовны прелесть несказанную.

– Так, стало быть, пригласим. – Решаясь, молвила она. – Раз вы утверждаете, Лизавета Павловна....

Уборщица дерзко оборвала её.

– Утверждаю...

И руку подняла к косынке. Анна Stanisлавовна спешно оглянулась и, величественно махнув рукой на уборщицу, сказала:

– Те-те, Лизавета Павловна.

– То-то и те-те. – Последовал ответ.

Завуч торопилась оборвать разговор.

– Ну, не будем ждать холодов, сейчас и сделаем всё, как обычно.

Она ласково кивнула швабре и, шумя платьем, как по воз-

духу, поплыла к выходу. Уборщица помедлила.

– Да нет, не как обычно. – В прямую спину уходящей молвила она, чеканя слова. – Нет. Не как.

Спина застыла. Завуч не сразу обернулась. Сделав бальный разворот и подойдя вплотную к назойливой работнице, она склонила голову и заговорила совсем другим голосом, тихим и нехорошим, сразу сделавшим её совсем иною Анной Станиславовной.

– Ну, что тебе, Лизка?

Та молчала, ничуть не удивлённая произошедшей переменой.

– Чего тебе? – Надвигаясь всем массивным и стройным, туго затянутым в плотную ткань телом, повторила огромная женщина.

– Да мне-то ничего... а только я в этом вертепе, милая, трудиться не буду... жизнь мне как-то в привычку стала. – С издёвкой отчеканила та, не понижая голоса. – А уж гадостно до чего... в сумерках и шагу тут шагнуть нельзя... а что из этого сделаться может, это уж вы сами рассчитывайте. Вы страсть умны, Анна Станиславовна

Та вздохнула.

– Может.

– Что?

– Может, а не может. Ты же грамотный человек, что это за...

Лизавета Павловна подёргала свою косынку.

– Ладно, я всё сделаю... то есть, ты уж сама... Лиза Пална... Расстарайся...

Та потеплела. С нарочитой услужливостью отступила и жарко зашептала:

– Оно вон оно... *прежнего* никак не надо. Слаб. – Сказав это, она с особым выражением посмотрела на завуча.

Та проявляла уже явные признаки нетерпения.

– Хорошо, хорошо. Приглашай на своё усмотрение, кого знаешь... только... не шуми сама... не разговаривай.

– Это я понимаю. – С расстановкой пообещала Лиза. – А вы уж не мешайтесь, когда... и, глядишь, выведем... а то ведь безобразие... давеча одно на меня в подсобке-то с толка... еле увернулась..

– Что?..

В соседнем классе открылась дверь и вышла девочка.

Анна Станиславовна сказала «Тш» и простёрла руку. Уборщица замолчала. Девочка обернулась, из полуоткрытого класса взрослый голос резал:

– Не задерживайтесь, мадмуазель. Он на столе в учительской, сразу с краю.

Девочка обернулась и ответила:

– Поняла, Софья Михайловна.

Она прошла два шага, посмотрела через плечо.

– Здравствуйте, Лизавета Павловна.

– Доброе, боярышня. – Ответила та.

Девочка удалилась по коридору, детские шажки долго от-

давались в первой тишине утреннего урока.

Женщины подождали. Анна Станиславовна узнала в посланной за журналом ученице ту, что так находчиво, если не сказать, нахально, защитила свою растрёпанную учительницу.

Уборщица смотрела на начальницу, ожидая ещё каких-нибудь глупых напутствий – пусть себе скажет, на душе полегчает. Но завуч молчала. Лиза увидела, что Анна Станиславовна выцвела лицом, строгие черты обмякли. Она обмерла, вид у завучихи сделался, краше в гроб кладут... не милее того, в подсобке...

Она кашлянула остороженько. Анна Станиславовна не вздрогнула, а точно ото сна отошла.

Не узнавая, глянула она на Лизу, и устало приказав:
– Делай, что хочешь. – Пошла быстро прочь.

Каблуки её туфель, широкие, как копыта, негромко стучали в сумраке коридора. Один раз её вроде качнуло, но это, верно, показалось. Завуч просто остановилась, затем тем же неспешным шагом двинула себе дальше.

Лизавета Павловна не без тихой злобы повторила тишком:
– Что хочешь.

Киру отправила за журналом молодая учительница правоведения. Раньше этот предмет назывался Великие Законы, но к тому времени, когда к нему подобрались семиклассники, чья судьба мне небезразлична, то есть к сентябрю восьмого после войны года, его переименовали.

В городе глухо поговаривали, что старый князь, там, в столичной крепости внезапно подвергся одному из помянутых законов. То есть, проще говоря – исчез. Никто точно не знал, но в положенном возрасте с ним этого не произошло, а тут вдруг на старости лет... и что делать прикажете? Оставил он Приметку или нет... говорили, что оставил, да только охрана и к дверям-то подойти боится. Правит всем маршал, который был главный в войну и раньше союзников вошёл в чужую столицу.

Софья Михайловна, полная тёзка основательницы гимназии, действительно была молода. То есть, по меркам девочек, старая развалина – что являет собой наивысший комплимент, или как говорили девочки, *комплимень*, для особи женского пола. Значит, девочки ещё включают её в свою возрастную систему – а согласно их классификации, девятнадцатилетняя девушка и есть чудовищная старуха.

Хорошенькая дурнушка в форменном учительском платье, как на барабанчике сидевшем на этой пышечке, учительница правоведения была несколько легкомысленна и забывчива. Пока не усвоила жёсткую внутреннюю самодисциплину, которой славились преподавательницы монастыря. Вот забыла прихватить журнал, отправила ребёнка на первом же уроке. Ну, да это пустяки, вяло думала Анна Станиславовна. Это ерунда. А замечание я ей сделаю, не при всех, понятно. К слову, Анна Станиславовна не терпела жлобства во всех видах и даже не могла наблюдать за людьми в унижающих

их обстоятельствах. Она снова вспомнила о храброй семикласснице и довольно улыбнулась. Придётся её, конечно, наказать, но так, чтобы та поняла, что поступила правильно.

За смелость надо платить, она не достаётся даром. Крепче будет эта не слишком симпатичная барышня. Эд-дакая гадкая гусеничка. Интересно, что с ней будет после...

Анна Станиславовна охотно призналась самой себе, что замедляет шаг, чтобы столкнуться с девчонкой и ещё раз поглядеть, как та будет вести себя.

Кира остановилась, озираясь – нечасто удаётся побывать в учительской. Она оглядела шкаф с журналами, сейчас он пуст, только номерки посверкивали сквозь дымчатое стекло. Потёртый диванчик с красным кружком на обивке – ага, куда не рекомендуется садиться из-за пружины. Кадка с ухоженной маленькой пальмой, осеняющей этот уголок спокойствия. Ряд письменных разномастных столов – то, что удалось прикупить после войны, ведь большая часть была пожрана небольшой печкой.

Вот и она.

Её кафедра, натёртый до блеска, свидетельствовал о неустанной заботе Лизаветы Павловны. По правую руку от «голландки» помещалось благородное бюро, единственная вещь из Прежних Времён. Знала бы Кира, сколько стараний приложила страшная Анна Станиславовна, чтобы сохранить эту единственную личную вещь Софьи Штокфиш. Но девочка лишь равнодушно скользнула взглядом по таин-

ственным ящичкам с резьбой и ручкам в виде забавных рожиц, чем-то напоминающим личину того акулообразного существа, которая украшала рекреацию.

Зато портретная галерея над бюро привлекла её внимание. Второй слева была фотография Софьи Штокфиш. Она необыкновенно понравилась девочке. Узкие глаза прозрачно светлели, таких светлых глаз она никогда не встречала, а твёрдый маленький подбородок говорил: я не так мила и проста, как тебе кажется. Девушка была некрасива, возможно, это и привлекло сочувственный интерес Киры. Но чем дольше девочка смотрела в светлые миндалевидные, резко приподнятые к вискам глаза, тем отчетливее осознавала, какое это необычное лицо.

Внезапно её пробрала дрожь – ей почудилось, что маленький пухлый рот изображения шевельнулся, а глаза, запульсировав зрачками, скользнули по её лицу. За спиной слышался слабый звук, вроде треска раскрытого в первый раз учебника. Кира быстро обернулась. Сердце её неистово заколотилось. Тихо было в учительской, так тихо, что Кире немедленно захотелось уйти. Она шагнула к двери, едва не выронив журнал, и тут же выронила его. Он шмякнулся об пол, но одновременно вновь прозвучал уже слышанный звук.

Кира, нагибаясь за журналом, оглядела комнату, остановила взгляд на печке, наглухо закрытой до пятнадцатого октября. Именно тогда спартанские правила школы предписы-

вали пригласить истопника, который, исследовав все разнообразные школьные печки, подаст Анне Станиславовне документ, написанный корявыми честными буквами, сколько и чего требуется для «протопления устройств», и тогда прохладная школа наполнится тёплым, чуть затхлым воздухом, а девочкам строго-настрого запретят поддевать свитера под школьные платья.

Что-то тонко звенело в тишине, Кире казалось, что звенит в её голове, пока она не осознала, что звон складывается в слова, а слова эти...

– Приходи ко мне в гости... ну, куда же ты?

Кира, чувствуя, что под платьишком её пробрал холод, обернулась на портретную галерею. Светлые, прозрачные, молодые глаза в упор смотрели на нее и были они куда страшнее начальственных очей завуча. Кира, не соображая, что с ней и куда она попала, заслоняясь журналом, как щитом, метнулась к выходу, где сразу столкнулась с каменно струящимся платьем.

По-прежнему не отдавая себе отчёта, она вцепилась в это платье, ощутив под складками что-то твёрдое, упругое и мощное. Это была та часть Анны Станиславовны, которую доселе она видела лишь издалека.

Суровый голос сверху говорил:

– Ну. Ну. Что, что, что такое?

На её голову легла холодная большая рука. Девочку куда-то повлекло, и она благодарно всхлипнула без слёз.

Внезапно испугавшись снова, но уже по-другому, она задрала голову с дыбом торчащей косичкой и встретила добрый и озадаченный взгляд расширенных от удивления глаз. Глаза эти помещались на старом, очень приятном лице.

– Извините... я за журналом... – Еле выговорила Кира, усилием воли заставив себя отстраниться

Она оглядывалась.

Они стояли в сумрачном, слабо освещённом одним-единственным бра, коридоре.

Завуч не отпускала её. Одна рука лежала на Кириной голове, точно пытаясь прочесть Кирины мысли, другая бережно удерживала девочку за плечо.

Ощувив сопротивление девочки, и увидев, как та выпрямилась, Анна Станиславовна немедленно её отпустила и сходу приступила к допросу.

– Ну-с. – Сказала она насмешливо. – Видно, банда Штурмютцеля проникла в школу номер тридцать семь.

Кира окончательно пришла в себя.

– Простите, я за журналом и... споткнулась.

Она обернулась, будто желая показать завучу неровность пола.

– М. – Согласилась Анна Станиславовна. – Понимаю. Понимаю.

Она тоже оглядела полы, почти незаметные, ибо окна учительской смотрели в северо-западном направлении. Здесь досыпали сумерки, а девочка и пожилая дама вдвоём стояли на туче. Полы эти, конечно, были отменно чисты, и как бы ни пострадала школа, в ремонте не нуждались.

– Я зацепилась за порог.

Анна Станиславовна кивнула, показав, что вполне удовлетворена оправдательной речью и отпускает девочку. Кира подняла журнал, закрыла дверь учительской и спросила:

– Мне идти?

Последовал кивок – так могла бы кивнуть статуя на главной городской площади, которую по нелогичной фантазии муниципалитета водрузили без постамента прямо на асфальте.

Кира неторопливо пошла по коридору. Её окликнул го-

лос, до того не похожий на голос завуча, что она не сразу обернулась.

– Что вас напугало? – Мягко спросила Анна Станиславовна.

Кири проглотила камешек в горле.

– Софье Михайловне нужен журнал. Она рассердится на меня.

Анна Станиславовна еле заметно усмехнулась – уж я тебя с твоей Софьей Михайловной, которая ненамного старше тебя, маленькая противная гусеница. Она отослала девочку движением руки и даже не посмотрела вслед. Детские ноги протопали по коридору, хлопнула дверь, вырвался голос, говорящий: «Нет, учебники пока не открывайте...»

Слух у старухи был лучше, чем могла себе вообразить даже, скажем, Лиза. Она постояла возле учительской и протянула длинные, чуть скрюченные пальцы к вычурной ручке. Вот девчонка и наказана, сказала она себе. Но тотчас лицо её помрачнело.

Что, чёрт подери, она там...

Бывшая фрейлина умела выражаться наедине с собою так, что, пожалуй, не по зубкам никому из вверенного ей женственного легиона, даже убеждённым в собственной циничности девятиклассникам. Надо, кстати, подумать об отдельном входе для них. Соседство с ними дурно действует на девочек из среднего звена – следует поберечь их от преждевременных поступков и мыслей. Они задумываются...

Войдя в учительскую, она поняла, что следует признаться себе ещё в одном поступке – она охотно задержалась из-за девочки, чтобы оттянуть размышления, на которые наводила беседа с Лизкой. Что ж, вот и тебе, старая дура, сказал кто-то прямо в голове. Она взглянула на портрет основательницы гимназии. Интересно, кто принёс его тогда?

Она не стала доискиваться, расспрашивать... ведь, в конце-то концов, это ей надлежало сбереечь память о хозяйке.

Давненько я тебя не видала, сказала она портрету.

Светлые тихие глаза согласились – давненько.

Потом она села на диван и принялась смотреть на печку, подперев сильный подбородок костлявой кистью, затянутой почти до кончиков пальцев в манжет с аккуратно пришитым, ежедневно свежим кружевом.

Проходя по коридору, Кира увидела, что в соседнем классе открыта дверь и вспомнила, что географичка Сюзанна Сигизмундовна всегда страдает от духоты. Раздалось крещендо:

– Кто дежурный?

Послышался лёгкий шум и звук отодвигаемого стула.

– Фамилия.

Чутьочку развязный девичий голосок почтительно проблеял:

– Ряженных, Сюзанна Сигизмундовна.

– Два в журнал. – Как во сне отозвался голос. – Дневник

в конце урока.

Стало очень тихо. Стул снова стукнул, немного громче, чем прежде – Лена Ряженных не вполне владела своими чувствами.

Наверное, опять карту криво повесила, подумала Кира. Шмыгнув мимо приотворённой двери, она тишком заглянула – над столом висела гигантская чёрная букля волос, одна из двух, служивших неизменным украшением и главной приметой Сюзанны Сигизмундовны. Затаив дыхание и с силой прижимая к себе журнал, будто его кто-то вытягивал у неё из рук, Кира задержалась у двери. Из своей засады она увидела окостеневшие профили передних девочек из параллельного класса и кусок доски – на нём, и вправду, висела несколько наискось карта мира.

Букля над столом пришла в движение, и Кире грозило узреть парное украшение. Она деловито затопала мимо, посмеиваясь про себя. Чуть-чуть и Букли бы словили её за неприглядным занятием. Этого не доставало. Кажется, за несколько минут этого утра она ухитрилась испортить себе репутацию так, как не вышло у Ленки Ряженных за все шесть лет обучения. А это что-нибудь да значит, сказала себе Кира с недетской улыбкой.

Она не разрешила себе поразмышлять на эту тему. Иначе полосе невезения не будет конца. К счастью, сегодня Софья Михайловна не собиралась спрашивать. Сама успела сказать: «У нас, девочки, новый интереснейший материал». По-

тому, наверное, и журнал зевнула.

Войдя в класс – предварительно она легонько для проформы постучала костяшками пальцев в дверь – Кира услышала, как пышечка, снуя у доски, говорит:

– Товарищи девочки, будьте любезны писать без помарок. Любую ошибку в ваших тетрадках я расценю как государственное преступление. Мы ведь об основополагающих вещах, милые, говорим. Ну, записали?

Посмотрев на Киру, помахивающую журналом, Софья Михайловна негромко заметила:

– Не прошло и года...

Класс благодарно рассмеялся. Кира тоже улыбнулась. Не больно-то приятно служить поводом всеобщего подъёма настроения, но после утренних неприятностей и это сгодится. Она положила журнал на стол, успев заметить, что рядом с чернильницей посвёркивают часики Софьи Михайловны. Боится опять разболтаться на весь урок, как уже было один раз. Кира знала, что молодую правоведку бранили за это на совещании.

Усаживаясь за свою парту, она увидела, что в тетрадке по соседству написано несколько строчек. Вооружившись ручкой, Кира без церемоний подвинула к себе тетрадь, хотя и на доске было что-то нацарапано. Почерк у Софьи Михайловны безобразный, пардон, своеобразный.

Списывая, она переспросила шёпотом:

– Спрашивать будет?

Таня, молча, покачала головой и потянула к себе тетрадку. Возня привлекла внимание Софьи Михайловны, говорившей:

– Итак, рассмотрим сначала Закон Любви, первый в Нотификации нашей великой страны и в подавляющем большинстве нотификаций прогрессивных стран, с которыми мы вместе воевали против восставшей тьмы. Мадмуазель, не начинайте военных действий.

Класс снова рассмеялся. Кира, едва не плюнув, оставила жмотку Таньку в покое. Она, впрочем, уже успела записать: «Закон Любви и его основные последствия. Закон Жертвы и...»

Соседка что-то проворчала, оправдываясь, но Кира не обратила на неё внимания. Таня Сютеева не представляла для неё интереса хотя бы потому, что её обыкновенно именовали Другая Танька. Приземистая, с фигуркой чурбанчиком в маловатом платье, она говорила мало и, как правило, мимо – на уроке и на перемене. Кира не понимала, почему классная руководительница усадила её с Другой Таней – её, умницу, всегда имеющую особое мнение, аккуратную, как солдат, девочку. Она смутно оскорблялась, ощущая, что та сделала это неосознанно, увидев в девочках какое-то сходство. Как будто Другая Таня была пародией на Киру.

– Вы, наверное, удивляетесь, девочки, почему мы, после вводного занятия, когда я рассказывала вам о том, что такое законы и для чего они нужны, предлагаю вам начать изуче-

ние конкретных актов вовсе не с таких простых и понятных, как Право На Труд, которое только в нашей великой стране осуществляется в полной мере, или Право На Отдых... ну, об этом не будем, ведь каникулы кончились только две недели назад. – Пошутила Софья Михайловна, и девочки оживлённо зашевелились.

Кира откинулась на спинку парты и незаметно оглядела класс – она сидела на четвёртой парте среднего ряда, и это было недурное место для обзора. Серебряная пушистая голова с тонкой косичкой привлекла её внимание на второй парте у окна. Рыжий нимб на первой парте у выхода из класса сразу бросался в глаза, даже если использовать боковое зрение.

Нимб хранил неподвижность, зато узкие запястья в полосках кружева находились в неприметном и целенаправленном движении. Кира внутренне усмехнулась – в движениях Лильки что-то ящеричье, ускоренное и замедленное одновременно. Ясно, впрочем, что она намылилась провернуть.

Таня Беляшова скосила крупные коровьи глаза на рваный клочок бумаги, возникший под хваталками Каменевой. Не то, чтобы её помучивало любопытство, что собирается написать своим драгоценным подружкам рыжая, просто можно ведь отвлекаться, не утрачивая качества внимания. Это выражение она услышала от отца недавно, во время небольшого приёма, устроенного в их особняке для друзей. Разумеется, это неформальное мероприятие было обговоре-

но и вполне санкционировано. Более того, оно было важно, как всё, что делает отец.

Правда, через некоторое время её деликатно выставили, но на втором уровне квартиры, в её комнате, половица в углу отставала. Она успела услышать обрывки фраз и последнее, что она вычленила из негромкого гула голосов, запомнилось так: «...мы все знаем, кому он обещан». Пришлось отменить прослушку, так как в комнату постучали – ей принесли десерт.

Костлявые, совершенно белые и невероятно длинные пальцы Лилькиной правой руки прикрыли листок. Она не подняла глаз, но Таня заметила, что Лилин рот, удивительно сочный для такого заморыша, насмешливо шевельнулся. Таня невольно вспыхнула до корней гладко приглаженных кос и надменно вздёрнула подбородок, про который умилённо говорили, что он «отцовский».

Левая Лилина рука настрочила несколько строк и без участия правой свернула в комок. Интересно, как она передаст записку, подумали сразу несколько девочек, неподвижно, как болванчики с одной или двумя косами сидевшие позади на срединном и этом ряду. Они все преотлично знали, кому предназначена записка. Вообще, сидя на первой парте, предпринять что-либо подобное малоосуществимо и попросту опасно – ибо такой проступок карался суровее, чем непришитый воротничок или забытая сменка.

– Тем не менее, – говорил голос Софьи Михайловны, – мы

начинаем именно с этих законов, хотя они напрямую не являются законами социальными, то есть созданными людьми. Почему так? Взять вот Закон Исчезновения. О нём мы только упомянем. Наши учёные – самые передовые учёные мира – уже очень много знают о ЗИ. Можно сказать, подобрались к решению, накоплена база данных.

Кира слушала небрежно. Она распрекрасно понимала, что симпатичная барышня врёт. Никакие, увы, передовые учёные ничего не знали о природе исчезновения.

Более того. Так как ни одно государство – самое прогрессивное – не могло отследить процесс, то никаких формальностей не учтено в законах. Потому Закон Исчезновения они на правоведении проходить не будут.

И всё же училка мила до невозможности. Такой у них ещё не заводилось, с хмурым одобрением сказала себе Кира. Голос девушки снова занял её внимание. Софья говорила:

– Когда вы начнёте изучать предмет Покорение природы...

В комнате послышался ропот. Учительница вопросительно остановилась. Кто-то из девочек, законопослушно снизив громкость, чирикнул, как невинная птичка с ветки. Софья Михайловна переспросила. Девочка возбуждённо пояснила уже по-человечьи, не поднимаясь из-за парты:

– Это теперь называется биология.

– Ах, вот как... – Воскликнула молодая девушка, и в глазах у неё запрыгали искорки. – Ясно, ясно.

Таню Беляшову поразило, что Софья Михайловна разрешила ученице говорить с места. Вообще на другом уроке такое было бы невозможно – обратиться к учительнице можно, лишь сначала подняв руку (спокойно «без выпрыгиваний») и дожидаться, пока преподаватель, назвав тебя по фамилии, предложит задать вопрос. Она даже оглянулась, чтобы посмотреть обратили на это внимание девочки и что они думают по этому поводу. Большинство обратило, но Софья Михайловна была так естественна, ни разу не зажалась, как говорит руководительница драмкружка, что происшествие тотчас себя исчерпало.

– Ну, что же... *Биология*. Так вот, девочки, когда вы лучше вгрызётесь в... вашу биологию, вы удивитесь, что эти законы вы не изучаете с Тamarой Марковной, а изучаете со мной.

По классу снова пронёсся смутный гул – всем стало очевидно, что изучать что бы то ни было лучше в обществе этой вертлявой толстушки с блестящими глазами.

– Эти законы не установлены людьми, но существуют в человеческом обществе с тех времён, когда история теряется во мраке, как малое устье нашей великой реки в недрах тверди. Они непреложны, как сама жизнь, как чёрное и белое, как ваши коричневые платья и аккуратные косы.

Она внезапно прервала себя и посмотрела прямо на рыжий нимб. Девочки затаили дыхание. Учительница рассмеялась.

– Неудачное сравнение, ибо в этом случае есть явное исключение.

С полсотни огоньков – блестящие разноцветные камешки девичьих глаз – целили в Лильку, которая сидела ровно, как палочка на носу акробата.

– Видите ли, а вот для этого закона не существует исключения. Он действует Всегда и Неизменно.

Голос её посуровел.

– Запомните это. Все иные законы, созданные людьми или даже природой, могут иметь поправки... иногда зачёркивающие их... – тише добавила она, – но эти Два – нет. Они необратимы... вдумайтесь в это слово – оно означает, что вернуть их вспять нельзя... это закон даже не природы, ибо Природа лишь производное от чего-то более могущественного. Это закон самой Жизни.

Как же она переправит записку? Подумала Таня Беляшова и беспокойно поёрзала за партой. Софья Михайловна нахмурилась – сдвинула лесные брови – и строго сказала:

– Что вас беспокоит? Да, да, *вас*, – подтвердила она, когда Таня изумлённо уставилась на учительницу, а затем завертела головой, пытаясь понять, к кому та обращается.

– Кажется, вы Беляшова? Так что вас так встревожило, что вы постоянно вертитесь, толкаете соседку и у меня большие сомнения, проявляете ли вы то внимание, которого заслуживает тема нашего урока?

Софья Михайловна говорила несердито, но холодно, как и все учителя гимназии, когда хотели приструнить нерадивую ученицу. Но девочки изумились другому. Тане Беляшовой редко приходилось выслушивать замечания. Во-первых, потому, что она очень хорошо училась, во-вторых, её отец был крупным дипломатом, во время войны семь лет назад отправленным в этот город у реки вместе со всем корпусом. Особое отношение к нему основывалось на неких слухах, утверждавших, что согласно высочайшему негласному распоряжению, Константин Беляшов должен был возглавить так называемое запасное правительство в случае трагической сдачи столицы.

Правда ли это и, если правда, то – насколько, никто, даже

самые заядлые сплетники, не знал.

Что касается девочки, отданной Беляшовым в эту старую тихую школу, то учительницы могли без неприятного оттенка «особой услуги» оказать малышке повышенное внимание. Девочка была в высшей степени старательна, что называется, вышколена и, в сущности, лояльна. Это иностранное слово употребила на педсовете Анна Станиславовна и, хотя не все поняли, что она имеет в виду, молчаливо согласились с тем, что ребёнок ведёт себя хорошо.

Единственное, что не совсем понравилось классной руководительнице Тани, так это маленькое происшествие, когда Лидия Анатольевна подвела новенькую к первой парте первого от двери ряда и по-матерински проворковала:

– Вот, Татьяна, твоё место. А вот твоя соседка Лиличка, прошу дружить и жаловать.

Таня Беляшова скривила губы. Лидия Анатольевна, чей взгляд за десятилетия изострился, как телескоп и микроскоп разом, метнула его по направлению, в котором устались телячьи глазки, и увидела, что они устремлены на Лилю. Причём, выражение в детских глазах читалось отнюдь не детское.

– Это очень хорошая девочка, она хорошистка с пятёрками по основным предметам. Посещает познавательные кружки. – Ещё не вполне понимая, в чём дело, продолжила классная дама. – Уверена, что вам будет интересно вместе слушать учителей.

Таня не изменила выражения лица, и нахмурившаяся Лидия Анатольевна, несколько мужеподобная, изрядного роста женщина с мировоззрением, простым и логичным, как пирамида из одинаковых консервных банок в витрине нового большого магазина, ещё раз посмотрела на Лилию. Она постаралась, вернее, заставила себя увидеть «Лиличку» глазами этого ребёнка из далёкой столицы.

Лилия Каменева тогда только оправлялась от затяжной болезни. В сущности, она с трёх месяцев своего существования, как это было известно классной даме, только и занималась тем, что болела. Болезнь имела загадочный характер и началась с несчастного случая. Это сейчас не имеет значения, но факт, что к девяти годам Лилия представляла из себя исключительно истощённое существо, которому можно было с натяжкой дать лет семь, с тусклыми волосами, следами от керосина на тощей шейке – такие следы были в годы войны у большинства детей – и отрешённым малоподвижным взглядом блёклых огромных глаз – факт этот был объективен.

Тем не менее, вступительное собеседование, неизбежное для любой соискательницы, показало, что маленькая дочь начштаба по отправке на фронт конницы, в интеллектуальном плане отвечает высоким требованиям престижного учебного учреждения.

Лидия Анатольевна, которая всегда смотрела на все явления жизни исключительно своими глазами, взглянула с уси-

лием на свою ученицу глазами новенькой. Сердце у неё сжалось, она помолчала минуту и непререкаемым тоном сказала:

– Садись.

И тотчас отошла от первой парты.

Прошло семь лет, и, как могла заметить Лидия Анатольевна, обстановка на первой парте первого от выхода ряда переменялась. Тоненькая девочка в облаке таких густых и непослушных рыжих волос, что ей столь же негласным, как и, вероятно, дипломату Беляшову, разрешением было дано право не отрачивать кос и не урезонивать гребешками свою натуру, с огненными ресницами, вечно прикрывающими ярко-зелёные глаза, – кажется, не вызывала уже усмешки на Таниных губах.

Но, так или иначе, об этом ничтожном происшествии никто никогда не узнал, кроме Лидии Анатольевны, сохранившей зацепку в своём сердце. Если пустяк всплывал в сознании, она только радовалась – отчётливо запомнилось, что Лиля ни малейшего внимания не обратила на минутную заминку однокашницы.

– Я к вам обращаюсь. – Повторила уже мягче Софья Михайловна.

Таня Беляшова медленно поднялась из-за парты. Ссутулившись, она немигающими глазами смотрела на девушку в учительской форме.

– Извините, Софья Михайловна. – Без выражения обра-

тилась она. — Я слушала внимательно, можете проверить.

Эта последняя фраза была уже излишней. С учительницами монастыря не приходилось спорить никому. Софья Михайловна приподняла светлые, но отчётливые брови.

— Плачу и рыдаю. — Весело сказала она, и мгновенно нехороший дух обиды рассеялся.

Заулыбались самые въедливые ученицы, и сама Таня почувствовала облегчение. По кивку учительницы она заняла своё место. Лиля по-прежнему комкала в руке записку. В душе Тани шевельнулась досада — удивительно, она ни в чём не виновата, а вот Лилька, которая, действительно, не слушает про законы, сидит, как ни в чём не бывало. На мгновение страшное искушение посетило Танину душу... поднять руку... но так же мгновенно она вспыхнула от стыда и гордо вздёрнула голову. Больше она не обращала внимания на рыжую соседку.

Та как раз благонаравно подняла руку. В правильной и единственно возможной конфигурации — острый локоток опирается на кончики пальцев другой руки, которая плотно покоится на парте, не сминая тетради.

— Что? — Спросила Софья Михайловна. — Хотите уже задать вопрос?

Лиля вывинтилась из-за парты, почти сходящая на нет в талии свободного коричневого платья.

— Софья Михайловна, я подвела свою одноклассницу Крепко. Взяла у неё давеча тетрадку по правоведению и за-

была отдать. Можно?..

Девочки так и ахнули – те из них, кто понял, что задумала Каменева.

Софья Михайловна рассеянно отозвалась:

– Можно. Но больше так не делайте.

Лиля вышла из-за парты с общей тетрадкой и, подойдя к столу Киры, положила прямо перед ней. Кира неувлимым жестом сунула тетрадь под парту на колени. Да славятся все покровители проказ и озорства, Софья Михайловна не начала детективного расследования, не прищурилась – будьте любезны, Крепко, предъявить после урока загадочный манускрипт... Экцетера.

– Пометьте, пожалуйста, в своих тетрадях, что для законов любви и жертвы не существует исключения. Диктовать я не буду, вы уже большие и должны уметь вести конспект.

Лиля вернулась за парту и что-то небрежно накорябала в тетрадке. Таня Беляшова сидела и работала с каменным склонённым лицом – она видела, как Лилька сунула под корешок тетради бумажный комочек.

Кира, посмеиваясь, с суровыми глазами строчила в тетради. Выждав момент, когда Софья Михайловна всё же вернулась к столу, чтобы продиктовать сам текст законов, она выудила из-под корешка растрёпанной общей тетрадки преступную наживку. Мимоходом она приоткрыла тетрадь – перед ней замелькали Лилины рисунки и её собственные эпиграммы, подписанные под ними... Нюткины глупости насчёт

гаданий... Это была их старая тетрадь, которую они втроём вели с тех пор, как научились писать.

Развернув комок, она прочла наклонённые влево строчки: «Знаешь, что старухи из девятого будут делать на вечеринке? Они сговорились с третьекурсниками из военки. Пойдём вечером и посмотрим, КАК ОНИ БУДУТ УХОДИТЬ».

Софья Михайловна говорила очень хорошо и понятно. Кое-что она продиктовала, но настаивала на том, чтобы они записывали всё, что особенно поразит их воображение.

– Ведь законы эти поразительны – красивы и, главное, соответствуют симметрии нашего мира, уравнивают все его противоречия.

«Раз в три года Жизнь избирает Жертву, дав ей знак. Это Закон Любви, ибо это символ Любви, которую Жизнь испытывает к своему творению», прямым почерком писала Кира, используя сокращения, которые расшифрует потом на полях. Для этой цели она всегда оставляла их пошире.

«... его нельзя стереть, смыть или уничтожить каким-либо иным способом. Хоть ластиком, милые, трите», записала Лиля.

Нюта, старательно отдувая со лба разлетающиеся серебряные пряди, вывела: «Закон Жертвы вступает в силу после Закона Любви...»

Кира, сначала просто восхитившаяся Лилькиной смелостью, прочитала записку без недоумения. У неё не возникло

вопроса, к чему понадобилась вся эта эскапада с передачей записки, в которой не заключалось ничего срочного – такие затеи сама плоть и кровь подростка, для которого чуточку подурить даже любимого учителя, как для раба не любить самого хорошего хозяина.

– ..когда приходит страж закона, чтобы забрать жертву, ничто и никто, никогда не остановит его. Представить себе эту величественную картину мы не можем. Она тайна для всех, кроме двоих – Стража и Жертвы.

Кира пыталась представить себе величественное зрелище, но вместо этого мысли её возвращались к записке.

«...посмотрим, КАК ОНИ БУДУТ УХОДИТЬ».

Вместо Стража, которого никто никогда не увидит, кроме Жертвы, Кира видела, как гаснут освещённые окна, из-за которых слышатся смех и музыка и... а потом они выйдут, ну, те ученики военки.

Третьекурсники, им по восемнадцать, большинство из них прошли через метаморфозу, совсем взрослые... эконо- ном, ворча, выдал большинству из них опасные бритвы. И они имеют право носить оружие – большой чёрный пистолет, похожий на ворона, затихшего в руке.

Ворон приподнял крылья, вокруг подрагивают язычки света. Это одна-единственная свечка, но она множится и в полумесяце огоньков, чёрное тело увеличивается, ворон становится гигантским.

Жар пробежал по тонким артериям на шее и у запястий,

Кира на минуту забыла, где находится. Голос Софьи Михайловны доносился из дальней дали, класс виделся, как в тумане... из этого тумана выступили светлые почти прозрачные молодые глаза, и Кира вздрогнула, вспомнив случившееся в учительской.

Она принялась размышлять, что с ней происходит. Возможно, это свидетельствует о приближении *события*. Но так рано... не может быть...

– Эти Два Закона сопровождают человечество с момента его зарождения на речных берегах и будут сопровождать вечно. – Уже чуть устало возвысила голос Софья Михайловна. – Я повторяю, чтобы вы накрепко запомнили – Законы Любви и Жертвы отменить нельзя. Выучите это, как учите правила родного языка. Также их нельзя разделить. Поэтому в литературе вы иной раз встретите такое их наименование, как «Закон Любви-Жертвы». Пишется через дефис. Это название допустимо, но желательно использовать то, которое я вам продиктовала. Сдвоенное название связано с тем, что Жертва выражает Любовь к человечеству. Но писать без дефиса нельзя. Задавайте вопросы.

На парте у окна поднялась рука.

– А если Сторож не придёт? – Спросил нежный голос.

Кира готова была прыснуть – уж если в кои-то веки Нюта что-то поняла, так непременно ясно, что не поняла, дура белая, ничего.

Но Софья Михайловна не рассердилась.

– Страж. – Поправила она.

Вялым голосом она принялась объяснять, что исключений и с этой стороны Закон не предусмотрел. Как появляется раз в указанный срок Жертва, отмеченная Знаком, так и Страж непременно приходит за Жертвой.

– А что он с ней сделает? – Спросила ученица Тарасик.

Софья Михайловна, похоже, утратила весь свой энтузиазм – она была молода и уставала от своего голоса. Урок, который она провела очень неплохо, уже надоел ей.

– Это неправильная постановка вопроса. Так не спрашивают.

Внезапно, точно хорошая, но рассеянная ученица, Софья Михайловна, вспомнила и добросовестно добавила:

– В науке под названием философия, которая примыкает к нашей дисциплине, рассматривается также постулат о том, что Страж и Жертва это одно и то же. Да... Но философию начнёте вы изучать в будущем году... вернее, те из вас, кто отправится в дальнейшее увлекательное путешествие под названием «девятилетка».

Но голос её поблёк, и собственные речи уже не казались ей убедительными. Она вновь превратилась в девочку, которая готовится к экзамену и старается не учить лишнего, чтобы сэкономить силы.

– А где Жертва потом будет жить? – Усаживаясь во взметнувшемся чёрном лепестке платья и жадно глядя на молоденькую учительницу, как на оракула или продавца мороже-

ного, почти перебила её Ньюта.

Пожалуй, впервые за семь лет она услышала в этом скучном месте, куда приходится ходить каждый день, что-то, разбудившее её фантазию.

Софья Михайловна поморщилась. Мелькнула мысль, что изучение основных законов зря передвинули в программе... рановато. Они все слишком малы. Впрочем, менее чем через год половина девичьего воинства ощутит томление и новые чувства, а затем то одна, то другая, а то и целыми группками они начнут исчезать... оставляя на домашних диванах, на полочках среди учебников, на городских скамейках вещицы, которые встревоженные отцы и бледные со сжатыми губами матери будут навещать в течение трёх дней. А потом они возвращаются... да, они все возвращаются.

Она невольно вцепилась в край стола и усилием воли подавила подступающую дурноту.

А ведь теоретически любая из них может оказаться той, которую отметит Знак...

Не хватало, чтобы кто-то задал этот вопрос.

– Этого никто не знает. – Ответила она, нервно хлопая по столу в поисках завалившихся за конспекты часиков. – Задание!

Нюта уже утратила интерес к теме. Она увлечённо смотрела на свои часики, такие же, как у Софьи Михайловны.

Девочки записали в дневники: «выучить конспект», так как темы этой в учебнике не сыщешь, пусть бы даже буря перелистала все страницы.

В небольшом узком помещении перед спортивным залом – «спортзал» говорить не рекомендовалось, Анна Станиславовна не любила сокращений в словах, – тесновато, так как сбоку к стене лепились кабинки для переодевания.

Сейчас из полудюжины доносились шелест и звук сбрасываемой обуви. Несколько дверец оставались приоткрытыми, и домовой – если он тут водился, а из посторонних мужеска рода здесь могло бы прогуляться разве что существо потустороннее – видел бы, как девичья фигурка по-змеиному извивается, вылезая из тесного коричневого платья, всегда очень узкого в подмышках.

Санька-Кавалеристка, существо вполне материальное при любом освещении, с сумрачной бодростью ответив на «зд-расьте, альсансанна» Киры, Лили и нескольких других дево-

чек, вошедших в помещение, прикрыла дверцы одну за другой, назидательно пробормотав:

– Кафешантан устроили. Актрисы...

Она прошла в зал, распрямив плечи, обтянутые курткой военного покроя со следами от споротых погон.

Лиля рванула на себя первую попавшуюся дверцу, но оттуда донёсся визгливый смешок и протестующий вскрик. Кира огляделась.

– Крайние свободны.

Лиля поморщилась:

– Да ну, там морилкой пахнет. Подождём.

Кира обвела взглядом ходящие ходуном кабинки, кое-как выкроенные плотником из ветхих досок, и предложила, понизив голос:

– Лилька, ты бы потише, в самом деле...

Рыжая, расхаживая по комнатке и так настойчиво глядя на дверцы, будто видела их насквозь, удивилась:

– До звонка можно успеть надеть бальное платье и зашнуроваться.

Она показала, ощерив зубки, как шнуруются.

Кира с раздражением втянула воздух.

– Я не о том. Ты бы поосторожнее... я про...

Тут из кабинки, третьей справа, высунулись локоть и голова, полузакрытая спортивной курткой. Кира замолчала.

Голова повертелась, и растрёпанная Светка Чах явилась на свет.

– Кавалерия ушла? – Сквозь зубы спросила она.

Лиля показала глазами, мол, тише. Та испуганно втянулась.

– Чисто. – Громко объявила Кира.

Каштановая Светкина коса повисла на ручке.

– Ну, тебя. Испугала.

Поглядев на Киру, Светка зашипела:

– Так что, сошло?

– Ты о чём?

Лиля тем временем обнаружила искомое и заколотила в одну из дверей.

– Нютка, живо вылезай! – Приказала она в дверцу.

Оттуда донёсся возмущённый писклявый голос Нюты, убеждающий подождать.

– Ты что там, наголо раздеваешься? – Рывкнула Лиля.

– Ну, вы даёте, тётки. – Изумилась Светка и, поглядев на Лилю, которая бешено тянула дверь на себя, преодолевая сопротивление изнутри, добавила. – Записочка-то... мы так и ахнули.

Кира промолчала и прикрикнула:

– Лиля, прекращай.

Из-за двери предбанника Санькин голос надрывался:

– Быстро в раздевалку.

Слышно было, как она осеклась. Говорить «раздевалка» запрещено – это правило внесла завуч, заметив, что «это сленговое слово звучит вульгарно».

– Переодеваться! – Как ни в чём не бывало продолжала Санька. – Чтобы без опозданий!

Она влетела в предбанник, погоняя двух девочек.

– А вы что стоите? До потолка вырасти хотите? – Кинулась она к Кире.

– Мы сейчас, Александра Александровна. – Кира умела надеть на себя интонацию послушания так, что это не звучало пораженчески. Она знала, что учительницы это замечают и в большинстве своём, реагируют одобрительной ухмылкой. К этому большинству Санька не принадлежала, и её большой рот слегка покривился без намёка на одобрение.

В этот момент Нюта открыла дверцу и вылетела наружу. Вид у неё был то ли сонный, то ли напуганный. Лиля тотчас, отстранив ее, вошла в кабинку, предварительно зашвырнув туда ранец.

Нюта, столкнувшись с «альсансанной» и пробормотав невнятные извинения, направилась к Кире.

– Кир, я так сейчас испугалась... – Начала она.

Кира, мягко её отстранив, твёрдой рукой открыла крайнюю дверцу, откуда, и правда, донёсся тяжёлый запах чистящего средства с чесночным придухом. Такие мелочи Киру не останавливали. Нюта сунулась следом, торопливо и невнятно говоря о том, как её сейчас щипнуло что-то...

– За какое место? – Осведомилась Кира, закрывая дверцу пред вздёрнутым носиком белявки.

Оставшись одна в смрадной полутьме, где сквозь щели

в досках почти не проникал свет, она нащупала выключатель, и издыхающая десятиваттовая лампочка слабо окрасила деревянные, в занозах стены. Поставив ранец в тёмный угол, Кира всё же потёрла нос. Да, запахок здесь будь здоров. И крючка не надо.

Впрочем, крючок наличествовал. Вбитый в стену ржавым гвоздём, он зловеще чернел в жёлто-сером полусвете. Кира принялась расстегивать платье, изогнув за спину руки. В других женских школах города общие раздевалки, пардон, комнаты для переодевания. Там девчонки могут помочь друг другу: со школьным платьем, затянутым на спине, самой управиться трудновато. Дома даже Кира просит маму застегнуть мелкий крючок у талии. Для этого ей приходится вставать раньше, до того как мама уйдёт на дежурство в госпиталь.

Ну, а уж как управляется Нюта, это поглядеть. Потом, после физкультуры (урока физического развития) подружки все оставшиеся перемены перезастёгивают ей пуговики на платье.

Кира подумала, что это очень приятно, когда мама о тебе заботится, ну, в меру, понятно. В этот момент за дощатой стеной что-то сильно зашебуршилось. Кира, влезая в горловину майки и придерживая косу, чтобы не зацепилась, прислушалась. Нелепо, ведь она помнила, что в соседней кабинке никого – там морилкой не пахнет, но стены очень уж грубо оструганы, того и гляди, посадишь затяжку на платье, а это

уже проблема.

Шебуршение тут же прекратилось, что-то тихонько стучнуло, еле слышно, внизу у стены. Кира, завязывая пояс брюк, нагнулась и прислушалась. Потом успокоенно поправила на гвозде свою одежду и, свернув, сунула в ранец тёплый комочек чулок.

Слышимость уж больно хороша. А в этих утлых отдельных комнатках всё же лучше, чем, если бы приходилось переодеваться при всех, подумала она. Если бы так не воняло санитарной смесью и ещё какой-то острой мерзостью... запах, показалось ей, усилился, он обогатился новым оттеночком... непохоже на морилку... наверное, просачивается сквозь доски.

Кира поспешила взяться за ручку.

Нет, нет, не то, чтобы она отличалась застенчивостью... и заштопанное бельё вовсе не повод стыдиться. Просто ей неловко почему-то смотреть на подружек в этой невольно домашней интимной обстановке в то время, когда стены школы напоминают, что ты под надзором.

Она вспомнила школьный бал и Лильку в костюме волка. (Красную Шапочку изображала Нюта). Когда Лилька стащила, запыхавшись с головы маску, и спустила с плеч мохнатый комбинезончик, Киру пробрало непонятное чувство – белые и худые Лилькины плечи производили тревожное впечатление над серым косматым телом чудовища. Лилька смеялась, рыжие, ничуть не смятые головой волка волосы падали ей

на плечи... что-то в этом было такое, на что Кира предпочла бы не смотреть.

Дверца не поддавалась. Кира дёрнула снова. Старые доски затрещали. (Только такие и нашлись, чтобы соорудить по требованию Анны Станиславовны эти кабинки, должествующие, по её словам, о которых, конечно, не знали дети, *обеспечить чувство уюта и мирного быта нашим школьницам, пережившим военные годы.*)

Дверца застряла, Кира ударила кулаком возле ручки, и тут же дверь потянули с той стороны. Она вырвалась, почти задыхаясь. Перед ней стояла с вопросительным лицом Лиля, тоненькая, похожая на дорогой цветок, зачехленный от мороза в безобразный газетный кулёчек.

– Где у тебя застряло? – Спросила она. Кира что-то пробурчала.

– Фу, ты вся провоняла морилкой. – Дёргая носом, сообщила Лиля.

В помещении пустёхонько, в зале уже слышался командный голос Саньки. Кира поспешила туда, чтобы скрыть своё смятение. Входя в зал, полный яркого сентябрьского света, бодро бывшего сквозь высокие затянутые сеткой от мячей окна, и окунувшись в тихий гул голосов вдоль шведских стенок, Кира призналась себе. Да, она испугалась. А кто бы не испугался, услышав этот звук?

Он и сейчас звучал у неё в голове – совершенно непонятный, режущий, будто кто-то провёл мокрым пальцем

по стеклу. Он был похож... да, похож на смех. Но так противно не смеётся даже Санька, когда кто-нибудь из учениц не может выполнить фигуру «мостик».

Она заняла своё место в строю, четвёртая с конца, со вздохом подумала она. Когда Санька перестраивала их на прошлой неделе с учётом того, как кто подрос за лето, Лилия, раньше стоявшая рядом по правую руку, была втиснута на передний фланг, третьей от начала. Ну, Нютка, та известная макаронина, ещё в прошлом году она вытянулась, как хилое растеньице, дорвавшееся до света. Правда, рост и изящные формы не спасали её от придирок Саньки – уж больно белянка неуклюжа, просто корова на известной гладкой поверхности.

Мельком Кира отметила, как растолстела Света Чах, стоявшая посредине. Недавний обрывочный разговор у кабинок неприятно кольнул... Кира не любила досужей болтовни и Светку недолюбливала по этой причине. А та вовсе и не растолстела – просто умеренно округлилась там и сям. Вот что значит, когда не любишь человека, назидательно укорила себя Кира.

Прозвенел звонок. Девочки сразу затихли у линии. Санька-Кавалеристка прошла вдоль строя. Два десятка пар глаз следовали за изумительными Санькиными ногами – взгляд оторвать трудно. Санька пребывала в обычном настроении – как всадник, приподнявшийся на стременах с занесённой шашкой – но к настроению что-то примешалось. Что-то рас-

сеянное мелькало в Санькиных движениях, то есть, приходилось предполагать, что учительница физического развития застряла в редкостном для неё состоянии – состоянии размышления.

О чём может думать Санька, никто не смел и предположить, и потому девочки следили за синим с красными полосами Санькиным костюмом, блуждающим вдоль строя, как львы на тумбах за не очень любимым дрессировщиком.

Теплилась надежда, что Санька начнёт с речи. Поговорить она очень любила и, с первым же словом впадала в транс, как попугайчик, открывший для себя это искусство. О чём она говорила, никто, включая Саньку, не знал. То есть, слова были, и речь текла... но уловить главную мысль не сумела бы даже Кира Крепко, обладающая чуткостью военной рации. Что уж там Кира, эта бедная умная девочка, городская плебейка, пытающаяся покинуть своё сословие – даже Таня Беляшова, выросшая в дипломатической среде и сизмальства умеющая читать между строк – и та пасовала в потоке Санькиного сознания.

Но, ради справедливости, такое распутство учительница позволяла себе редко и на прошлом уроке, произнеся вступительную речь, израсходовала своё право до следующего семестра или хотя бы до Праздника начала зимы.

– Сегодня, – загрохотала она, наконец, – у нас козёл. Мы обучимся, девочки, как, так сказать, к нему подойти и чего от него ждать. Прыгать, стало быть, будем. И всё такое.

Словечко *мы*, конечно, говорило о милосердии Саньки. Уж она-то, с тоской думали девочки, с козлом обходиться умеет.

Санька вызывала у девочек неприязненное чувство уважения, ибо всегда непременно начинала с «показа фигуры».

Вот это честно. Вот это класс.

Одно дело оставаться в осаде за кафедрой, под защитой указки и авторитета. Совсем другое – подставить себя всю двум десяткам напряжённых взглядов, ревнивых и не прячущих затаённой мыслишки любого зрителя – мыслишки, которой стоит, конечно, стыдиться.

Вот и сейчас, покончив с ораторским мастерством, молодая женщина смело направилась к наглому на вид и противному «козлу», установленному ближе к противоположному концу зала, чтобы после прыжка оставалось положенное по инструкции место для «инерционного движения учащихся».

Похлопав неодушевлённый предмет по заливке, она вернулась к началу разбега и, сосредоточившись, промчалась, сотрясая пол, к замершему козлу. Ударив ладонями по его серому крупу, Санька без малейшего, казалось, усилия, поместила свои уникальные ноги в позицию «четверть десятого», или, простите, «двадцать один пятнадцать».

Повиснув, как привидение, в воздухе, она опустилась, сомкнув кеды сорок четвёртого размера, на коврик за козлом.

– Уловили технику? – Спросила она, ничуть не запыхав-

шись и поворачиваясь спиной к присевшему от страха козлу.

Девочки затрепетали.

– Первая! – Властно вскидывая руку, проорала Санька.

Сима Крюкова, самая высокая девочка в классе, робко направилась к линии разбега.

– Повеселее. – Радостно завопила Александра Александровна. – Так к вечеру дойдёшь! В темноте не напрыгаешься! Подстраховочку!

Дух ажиотации, не вполне санкционированного праздника, поселился в зале, смешавшись с хорошо проветренной вечной смесью для дыхания – сентябрьский утренник плюс, само собой, непременно хлорка.

Лиля усмехнулась и с соседней девочкой направились к козлу, где обе встали на подстраховку.

Сима побежала и от страха сразу повалилась на козла.

Девочки нервно засмеялись, Санька завертелась, как ведмино помело, и, не переставая вопить, бросилась разьяснять Симе и «ставить ей ноги».

Повинуясь властному окрику, девочки прыгали – кто чуть поудачливей, но многие просто оббегали страшное устройство, боясь упасть.

Когда дело дошло до Нюты, переминавшейся с ножки на ножку, будто ей куда надо, Санька, вконец измотанная от грохота собственного голоса, сумасшедшим эхом метавшегося по залу, прервала пытку. До неё дошло, что она, видать, что-то упустила. Нахмурившись и яростно оглядывая

задышающихся запаренных девиц, Санька внезапно приступила к редкостному удовольствию – начала толкать речь.

– Эдак никуда не пойдёт. – Мрачно толковала она козлу. – Эдак мы никогда норматив не сдадим. Вот что...

Она повернулась к детям и от непосильного напряжения нахмурила хороший широкий лоб, напоминавшей Кире страницу из цветных приложений к прошлогоднему учебнику. Цвет, увы, обещал желать лучшего, но изображение древней мозаики всё же позволяло разглядеть молодого царя, тёзку училки.

– Прыгать с умом следует. В природе как прыгают? Как обезьяна, скажем... а то и птичка... все по-своему... придумайте себе, кто как будет прыгать и вообразите, стало быть...

– Рыбки тоже прыгают. – Сказал кто-то, почувствовав, что Санька не серчает, а искренно жаждет, чтобы они все попрыгали через этого отвратительного козла.

Санька, слегка ополоумевшая от неудачного урока, совершенно не по-взрослому изумилась:

– Да?

– Лососи, когда на нерест идут – Пояснила девочка. Это была пышная Катя Смуглых. – Нам на уроке Тамара Марковна рассказывала.

Санька хмыкнула.

– Ах, Тамара Марковна. Ну, что же. Прыгайте, как рыбки.

Она показала рукой на забывшуюся и весело смеявшуюся Нюту. Та, повинувшись бешеному окрику и цепляя спортивные

туфли за мат, нехотя поплелась к разбегу.

Потоптавшись и отдувая пряди волос, девочка опрометью бросилась к козлу, и – никто засмеяться не успел – легко, почти не коснувшись, перемахнула через него.

Лиля на подстраховке только губы выгнула.

Ошарашенная Нютка смотрела вокруг себя, не зная, будут ли её ругать...

Санька вдруг захлопала в ладоши, как ребёнок.

– Как птичка! – Вырвалось у неё. – Ишь, Тарасик.

Она даже похорошела. О да, персонал шкрабов в старой гимназии в городе на берегу великой реки, недаром числился на отличном счету в генеральной инспекции. Знала ли Санька или в её институте не преподавали постулат «учитель умирает в ученике», но она всегда словно бы и впрямь обмирала от удовольствия, когда видела успех ученицы.

Опомнившись, она буркнула с напускной суровостью:

– Ну, добровольцы?

Кира подняла руку и неторопливо подошла к разбегу. Тщательно упомянув все движения Саньки, она почти пошла к козлу, ударила об него руками и сама не поняла, как оказалась по ту сторону.

Санька сияла.

– Можете, ежели захотите. Прямо как обезьяна.

Девочки хихикнули, но Санька так свирепо посмотрела на них, что смех обморочно увял. Взгляд Саньки остановился на Лиле.

– Подружки вы, кажется. Ну, давай, нечего на подстраховке прохлаждаться.

Кира подошла и заняла Лилино место.

Рыжая направилась к разбегу танцующей походкой, как на прогулочке по набережной. Не получится у неё, с тревогой подумала Кира.

Лиля постояла на месте, небрежно поглядела на подруг и вдруг с такой скоростью, что по залу не успевая, дико метнулась тень, бросилась к козлу, будто хотела пробежать сквозь стену. Кира потом не могла вспомнить, коснулась ли она руками козлиного крупа, так заморочно выглядел прыжок. Ещё ей показалось, что Лиля не была похожа сама на себя – точно это кто-то другой промчался по залу и прыгнул, извиваясь высоко в воздухе гибким и очень сильным телом. Что-то чужое успела усмотреть Кира в Лилиных движениях, как если бы внутри у той раскрутилась чёрная пружина.

Санька стояла молча.

– Ну, это, прям, дракон какой-то. – С некоторой неуверенностью выговорила она впервые употребленное слово. – Прям, какое-то чудище. Отлично, Каменева.

Тёплым послеполуднем девочки спустились по школьному крыльцу. У седьмого класса под литерой «Б» в пятницу по расписанию числилось пять уроков, но Почечка С Листочками ещё не вернулась с курсов повышения квалификации, на которые её спешно послали в связи с изменением Покорения природы на Биологию, а урок ритмики – дело тонкое.

Администрация ещё не сговорилась с длинным, проглотившим дециметровую линейку учителем со стороны, который вёл свои занятия частным порядком, по мере оплаты родителями курса танцев (народные, бальные и прогрессивные современные) и его аккомпаниатором, крохотным толстяком, которого ученицы всегда видели только сидящим на специальном стульчике с великолепным союзническим аккордеоном на коленях, и потому не представляли в других позициях.

Ходил слух, что Дециметр активно ведёт переговоры с кинотеатрами и другими зрелищными учреждениями, предлагая свои услуги – дескать, в лучших городах принято давать концертик перед киносеансом. Но вроде бы у него ничего не выходило, его предложения не оценили по достоинству. К счастью для Анны Станиславовны, которая не мыслила воспитания без умения двигаться под музыку, и для её пито-

миц, которым, в сущности, ужасно нравилось прыгать и чинно приседать в рекреации под надзором добрых глаз князя, глядевшего устало, и акулообразного создания, помещённого произволом архитектурной фантазии на потолке, Дециметр обещал подумать.

Таким образом, девочки освободились пораньше и были распущены после предварительных, ставших почему-то ежедневными, наставлений Лидии Анатольевны «сделать уроки и погулять, по городу зря не бегать».

– Если мама в магазин попросит сходить или к подружке вместе разобрать, что непонятное, – спокойно говорила всегда несколько отстранённая и высокая женщина с худым некрасивым лицом, освещённым прекрасными тёмными глазами. – И помните о наших разумных правилах.

Девочки молчаливо подтверждали, что внимают каждому слову. При слове о правилах самые почтительные закивали гладенькими и ершистыми головами, так что косы принялись ползать по школьной форме, – целый выводок змеят. Им очень нравилось, когда Лидия Анатольевна говорила, это вам не Санька с её ораторскими способностями и даже не Анна Станиславовна, которая до смерти пугала девочек своей холодной манерой изъясняться, так что не поймёшь, чем это всё кончится – иронизирует она или, взаправду, сердает.

И потому упоминание о разумности правил, якобы она говорит со взрослыми, всё понимающими людьми, не вызвало

обычного глухого протеста, когда о них говорил кто-то другой, кто по умолчанию считает подростков слабоумными.

– С наступлением сумерек вы можете выходить на улицу только в сопровождении взрослых. А в девятнадцать ноль-ноль вас вообще никто не должен видеть вне дома и, в крайнем случае, закрытого двора.

Она подумала и добавила:

– Разумеется, для каждого правила есть исключения... например, посещение аптеки, которое, увы, иногда бывает неотложным. Но, полагаю, в таких случаях... да, в подобных случаях...

Она замолчала и распустила девочек.

Лиля и Кира задержались из-за Нюты, которая долго возилась в гардеробе и сетовала, что у неё с нового пальто оторвалась пуговица.

– Как же это... – Расстроено приговаривала Нюта. – Мама давеча проверяла и заново всё укрепила.

Кира поучительно подергала её за льняной косичкин хвост.

– Самой надо пуговицы пришивать, тетеря. Может, мама нарочно некрепко пришила, чтобы тебя от тунеядства отучить. А, Лилька?

– Или домовый оторвал. – Заметила Лиля, спокойно ожидавшая в своём сером плащике, воротник которого она подняла, несмотря на то, что день за открывающейся то и дело дверью мелькал светлый и тёплый.

– Ну, я в домового не верю, – говорила Кира, когда они, наконец, отлепили Нюту от стойки с одеждой и все вместе протиснулись в основательную, как ворота, дверь.

Умиравший полдень ранней осени сразу завладел ими. Даже Нюта прекратила крутить осиротевшую петельку и рассеянно оглядела широкую улицу, в ярком золоте акаций неторопливо спускающуюся к реке. Нежное солнышко, как клубок жёлтой шерсти, висело над городом. У реки, наверное, светлее и ярче – серые волны окрашиваются на срезях, точно камни с ценной рудой.

– Верь-не верь, это факт твоей биографии. – Лиля, не щурясь, сквозь густые ресницы поглядела на солнце.

– Это что значит?

– То, что ему без разницы, веришь ты или нет.

Кира ухмыльнулась.

– Его нету.

– А он, – тихо улыбаясь своим мыслям, невыразительно продолжала Лиля, – думает, что тебя нету. К примеру. И он в тебя не верит.

Нюта радостно засмеялась – в спор она не вникала, но, как птица на ветке, следила за интонациями. Природа без спросу наградила её приличным музыкальным слухом, дома у неё громоздился в столовой рояль, на который Нюта смотрела, как на Анну Станиславовну, – с тоской и благоговением.

Кира не сердилась.

– Ежли он не верит, зачем он Нютке пуговицу оторвал.

Лиля пожала плечом.

– А может, не отрывал. Может, кто другой оторвал.

Киру без предупреждения посетило диковатое ощущение. Несмотря на солнечный день, её, как утром в учительской, пробрал холодок. Почему, она не знала – но в том, как Лиля это произнесла, послышалось что-то ненужное, цепляющее. До чего же Лилька любит валять дуру.

Кира и вообще не любила попусту болтать. Она заговорила о другом, забыв обернуться:

– Так что насчёт вечерних планов?

Лиля, шедшая чуть позади, громко и небрежно отвечала:

– Это ты насчёт библиотеки?

Кира хотела возразить, мол, сколько можно дурачиться, но тут же услышала дыхание за спиной и шаги. По чьей-то спине молотил ранец – звук, по которому сразу узнаёшь, кто тебя догоняет.

– В какую библиотеку? – Спросил громкий голос.

Кира поняла, что зря не обернулась и, скрывая неприязнь, посмотрела на безвредную, но утомительную каким-то насекомым любопытством Светку Чах.

– В городской мало, что осталось. – Сразу влезая в разговор по самые локти, которые она ловко вклинила между Нютой и Кирой, торопливо говорила Светка. – У них только и понту, что лампы на каждом столике с шалью... и лампы-то через одну светят.

Девочки молчали.

– А в школьной-то никто работать не хочет. Мой папа говорит, мол, за такие гроши разве мыша какая захочет, да и то, если бесплатное блюдечко с молоком ставить.

И Светка захохотала, явно воспроизводя такие же шумовые помехи своего отца.

– Так куда вы?

Лиля вмешалась. Лениво и широко зевнув, так что высунулись клычки, она сообщила:

– А мы шаль пощупать. Мне бабушка вяжет, так я обещаю ей петельки посчитать.

Светка немедленно заглотила наживку.

– У тебя бабушка есть?

– Ну.

С опозданием бедняжка учуяла каверзу.

– Я что-то не помню, чтобы ты говорила про бабушку. – Подозрение придало ей вовсе неопиcуемый вид.

Здесь по всем правилам, но не по тем, которые упоминала Лидия Анатольевна, полагалось ответить:

– А тебе что за дело до моей бабушки? Жениться, что ли хочешь?

За сим следовал краткий обмен репликами и ссора, иногда на неопределенно долгий срок, ибо девочки этого города, в монастыре они учились или в обычной школе, были, как говорили, схватчивы на язык и отличались злопамятностью.

Но Лилька, доброжелательно поглядев на Светкины вздрагивающие от назойливости щёки, промычала:

– А разве нет? Она в деревне живёт. Хочешь, она и тебе чего свяжет? Носочки, к примеру?

Светка замерла, ощущая, что её дуруют особым жестоким способом, когда придраться и затеять ссору с вытекающими последствиями, ну, никак нельзя. Она, задышав, обдумывала, как поступить. Кира хранила ледяное молчание. Нюта с интересом рассматривала Светкину беретку.

Лиля ласково смотрела, опустив рыжие ресницы, куда-то мимо Светки. Та сообразила, наконец, что не выгорело, и торопливо распрощалась.

Она покатила колобком вперёд, и скоро аллея смыла её за поворот. Кира незаметно покачала головой в маленькой перешитой пилотке. Лиля встретила с ней таким равнодушным взглядом, что Кира не сразу рассмотрела золотые искорки, плясавшие у неё в глазах. Девочки тихонько приснули. Нюта еле выговорила:

– Вот ду-ура прицепливая.

Лиля возразила:

– Нет, это не она.

– А кто? – С величайшим любопытством осведомилась, вытягивая шею в расстегнутом воротнике, беленькая.

– Тот, кто говорит, забыв посмотреть за плечо.

Кира возразила:

– А ещё тот, кто...

Лиля подняла брови и закашлялась. Кира оглянулась, пугливо подняв плечо. Никого. Извивающаяся, как река, дорога

лежала пустая за ними. Только они – три маленькие монастырки – шли сейчас между дрожащими в солнечных лучах деревьями.

Кира облегчённо вздохнула и ткнула кулачком Лильку в плечо.

– Иностранка. – Проворчала она.

Это было давнее забытое прозвище Лили, причем, прозвище семейное, и то, что оно всплыло сейчас у Киры в памяти, говорило о том, как далеко уходит дружба этих детей.

Нюта не помнила прозвища и принялась расспрашивать. Лиля, не отвечая, подняла палец. Девочки прислушались. Они прошли мимо развилки и на сей раз не взглянули на тающий в высоком небе знак защиты. Из города, где вдоль улицы прятались среди деревьев крыши домов, доносился слабый звук. Он напоминал тончайший свист и струился вместе с тёплым потоком воздуха от неостывшей реки.

На оживлённой части улицы, где прибавилось горожан, им следовало попрощаться, но они остановились. Проезжали военные серебристые, как волосы Нюты, эмки.

Слева помещалась за сквером небольшая площадь для ярмарок. На мешках с песком, которые готовили для зимы, сидел мальчуган, двумя годами моложе барышень, и дудел в извилистый стручок акации.

Девочки послушали. Мальчик типа шантрапа не обращал на монастырок ни малейшего внимания, хотя заметил их. Он выглядел совсем по-детски и, очевидно, пребывал в офи-

циальном статусе «не водись с ним». Подруги невольно увидели себя со стороны «теми большими девочками, совсем большими», как сами они смотрели на девятиклассниц.

Закончив играть, «шантрапа» бросил стручок – они всюду валялись во множестве – и, пройдя мимо девиц, тщательно озвучил страшное ругательство. Смысл его сводился к тайнам любви и выражал отношение некоторой части горожан к женской школе со строгими правилами.

Кира, выслушав, поглядела в его плоское, как блин, неоформившееся лицо и, понизив голос, внятно ответила ему. Мальчик хмыкнул и, добавив отдельно Кире:

– Уродина, – смылся, прихватив портфель, носивший следы многочисленных харизматических выплесков владельца.

Нюта хихикала без передышки.

Лиля крикнула вслед:

– Без пряника не заигрывают.

Потом отправила Кире затяжной взгляд и уважительно протянула:

– Воительница...

Девочки спускались к реке, хотя ещё не видели её. Кира так и не увидит. Возле подслеповатого переулка она сказала:

– Ну, милые, *не выходите в темноте*, а то банда Штурмютцеля поймает и заставит посуду мыть.

Она после этого сурового напутствия собиралась уйти вниз в петляющий мимо маленьких перекошенных домов скос улицы, но Лилька окликнула:

– Насчёт библиотеки.

Кира мигом обернулась. Всё говорило о том, что это очередной розыгрыш, и потому она, подчёркнуто незаинтересованно, уставилась сумрачными умными глазами на бледное лицо рыжей – солнце по-всякому играло с тенями, и Лилькино лицо казалось сильно подкрашенным.

– Тут кто-то утром хотел побольше узнать про ЭТО.

– Не помню. – Ответила Кира. – Чтобы кто-то изъявлял такое желание.

Нюта вмешалась.

– Нет, ну, как же. Вы всё утро с Лильком стрекотали.

– Устами блондинки... – Подхватила рыжая.

Она поближе подошла к неподвижной Кире.

– Я накнукала одно местечко.

– Не буду спрашивать, как это произошло.

– Библиотека при казармах.

Кира, забыв сохранить выражение безразличия, грубо переспросила:

– Врёшь?

Лиля серьёзно предложила:

– Хочешь, на голову встану?

Нюта алчно воскликнула

– Да! Да! Валяй!

Кира отмахнулась. О казармах как-то не принято было упоминать в бытовом разговоре. Сейчас они постепенно пустели. Подразделение, стянутое в войну сюда, в их огромный

приречный город, которому прочили статус столицы «в случае чего», стало за последний год незаметно рассасываться. Похоже, громадные военные силы и масса влиятельных людей, собранные в локусе, напоминающем естественную крепость со своим речным флотом и ограждающими цитадель с трёх сторон света холмами, вызвали у кого-то сомнения. Война кончилась, необходимость в городе – как двойнике столицы – отпала.

Отменное здание казарм, вернее, ряд зданий, самих по себе подобных крепости, выстроенной в виде лабиринта на севере города у подножия коричневых и зелёных холмов, было оснащено всем необходимым. Всеведущая соседка на офицерской кухне утверждала даже, не особо понижая резкий голос, что там есть и бункер – пещера в земле, облицованная «мраморами» и со всякими кнопками – нажмёшь, и полстраны взлетит выше кучевых облаков.

Кира подумала, что и библиотека по идее там должна иметься. Она с неприязненным интересом взглянула на Лильку – у той на белом лице под глазами лежали чёрные полосы теней. Так она была похожа на мелькнувшую фотографию, которую девочки однажды передавали из рук в руки в дровяном сарае позади школы.

«И откуда ты знаешь?» – Говорил Кирилл взгляд. Она, впрочем, и сама повторила это.

Лилька не ответила.

– И чего мы туда сунемся? Нас ведь не пустят?

Лиля подняла с земли стручок акации – красный и длинный.

– Вы слышали, что есть оперетта «Белая акация»? – Немедленно спросила Нюта. Её мысли быстро перемещались с одной вещи на совсем другую.

Кира и не посмотрела на неё, вытащила стручок из Лилиной руки, как раз тогда, когда та пыталась на манер городских мальчишек посвистеть.

– Эй.

Лиля возразила Кире:

– С чего бы? Это ведь не засекреченный объект. – С некоторым усилием выговорила она. – Войдём... что ж нас, арестуют?

И она заложила руки за спину, закатив глаза.

– Ой, ты похожа на Андромеду! – Вскричала Нюта. – Помните, девочку, которую съело чудище?

Лиля сухо взглянула на неё.

– Но, но, но. – Заметила она. – Никто меня не съел.

Она была так потешна, так мила, так завлекательно и любовно пялилась на Киру, что та с тяжёлым сердцем приказала:

– Ну, не осли. Выкладывай.

Лиля тотчас выпрямилась и, притянув к себе за воротник Нюту, склонилась к Кире, отшвырнувшей стручок.

– Там дежурный. Библиотекаря у них нет... был старик-офицер. Ему лет сто, я слышала... в больших чинах и вообще он какой-то дикий... вроде колдуна. Соседка наша... тётя Маля всё такое знает.

– Наверное, военный советник. – Поправила Кира.

– Ну, может. Это мне по барабану. А вот теперь там дежурят время от времени, ну, типа наряд по кухне – всякие

офицерчики. Мы скромно придём... спросим.

Нюта серьёзно подхватила

– За спрос не бьют в нос. Так моя мама сказала... а я думала, акация только жёлтая.

– Правильно мама сказала. – Лилька не глядела на Киру. – Прикинь, туда свозили классные книжки... со всей страны... тому военному советнику они потребовались. Ну, вот, они там все стоят.

Кира со всей силой развитого чтением воображения представила – тяжелоногие полки, как стадо слоних, и пыльные, пахнущие дорогами и городами, толстые книги с картинками в серой завесе защитных листков. Строки, которые затёрты руками... и, главное, – информация, любимое в городе слово, – жгучие, яркие до боли в голове, видения... полусны, полные вопросов и страха.... Это всё разъяснится. Новые ужасные мысли, ужасные мысли... и...

Лиля удовлетворённо следила за широким смугловатым лицом Киры.

Не тратя больше слов на неё, она обернулась к Нюте

– Так, не болтать, болтун находка для врага. И дома ничего. Ни слова. У чертобая, в двадцать.

И она мигом повернула к ним узкий тыл в затянутом на талии плаще.

Кира вслед прокаркала с нотками сомнений:

– Засекут, худо будет, Лилька.

Лиля полубернула над высоким воротником легко очер-

ченный полупрофиль.

– Монастырки все по домам сидят.

Она подмигнула. Нюта внимательно слушала ту и другую.

– В темноте патруль остановит.

Лиля усмехнулась

– Ой, я вас умоляю. Патруль на территории казарм не ходит.

– Или, – размышляя, предложила Нюта, – *скажем, мы в аптеку идём.*

– За касторкой. – Прибавила Кира, и благонадёжную тишину взорвали три варианта девичьего хохота.

Прохожий обернулся на них.

Нюта замолчала.

– А что, ведь темно будет? – Спросила она, боязливо поглядев вслед прохожему.

Лиля кивнула.

– Очень. Мой отец три года назад за полночь возвращался, так он по городу с двумя револьверами ходил.

Девочек не удивило это сообщение, сопровождаемое лаконичным и оттого выразительным показом. Они решили проводить Нюту и по пути болтали о том, кто водится в темноте. Нюта слушала с удовольствием и пугалась тоже с удовольствием. Возле Нюткиного особнячка девочки тихо запели:

Люблю я сосиски с капустой

И бобика тоже люблю

Но шо-то в душе моей пусто

И вот говорю я блю-блю...

Лиля прервала пение и, как обычно, принялась утверждать, что последнюю строчку надо петь по-другому.

– Но ведь это грубо. – Пожимая плечами под плотно сидящими ремнями ранца, как всегда, ответила Кира. – А грубо – значит глупо.

– Нет, в этом есть что-то умное. – Как всегда, ответила Лиля.

Нюта слушала. Ей стало скучно, захотелось домой.

– Зайдёте за мной! – Крикнула она и, подпрыгивая в своих игрушечных ботиночках, побежала к застеклённой двери дома. Окна в особняке, узкие и высокие, делали его иллюстрацией к сказке про Синюю Бороду.

Кира, прежде чем уйти, сделала ещё один заход:

– Лилька, а другая соседка видела...

– Что? – Переспросила Лиля, заслоняя глаза от солнышка, тихонько испепеляющего небольшое облако.

Кира махнула на неё и, молча, удалилась. Если дипломатова дочка прочла, что написано в записке, это даст ей пусть маленькую, но власть над Кирой. А Кира это ненавидела.

Да, Кира ненавидела власть над собой.

Переулок ещё раз повернул, сделавшись совсем уж хилым. Мостовая определённо плоха, руки у мэрии ещё не дошли до этой части города. Даже сентябрьский день слегка померк, потянуло холодком и гнильцой затопленных подва-

ЛОВ.

Кира свернула по тропинке, вымощенной щебнем и, стараясь ступать аккуратно, чтобы не сойти на обочины в мятой траве, добралась до суетливо пристроившихся друг к другу домиков. Один из них жил-поживал сам по себе в самом конце переуллка. Ах, нет, дальше примостился ещё один, но он пустует, бедолага. А, может, ему хорошо без никого. Никто не копошится внутри, не лезет со своими мыслишками.

Кира остановилась возле колонки и тщательно сполоснула подошвы. Стащила с шеи ключ на верёвочке и открыла покосившуюся дверь. В домике было чисто и холодно. Разувшись и отнеся ранец в уголок комнаты, где на подоконник прилажена доска, она выбралась из формы, как из кокона и, надев красный халатик и галошки, вынесла хранящее её тепло школьное платье с передником на верёвку за домиком проветриться. Тут был настлан старый шифер, чтобы земля не размокала под верёвкой.

Вернувшись, Кира зашла за выцветшую занавеску, отделявшую кухонный уголок, вымыла руки под ручкой и вытащила из духовки противень, на котором плотно лежали тонкие ломти картошки. В облезшем шкафчике она в углу нащупала жестяную банку, рассмотрела – это растворимый кофе, который мама разрешала ей пить, когда у Киры болела голова. А она болела. Ещё на улице, на прогретой аллее Кира

опознала тянущую боль вокруг лба – обруч надели.

Она взяла воды из большой банки на столе и вскипятила на примусе. Заварив кофе, она некоторое время дышала над чашкой. Острый терпкий дух проникал внутрь головы и делал своё целебное дело. Во лбу что-то грело, как маленькая свечечка, всегда стоявшая на столе в жестянке. Мама зажигала её на пару минут, когда стемнеет.

Кире стало легче, и она принялась неторопливо отковыривать кусочки картошки и запивать их кофе. Через некоторое время приступ прошёл, и Кира устроилась за своим подоконником делать уроки.

В ту минуту, когда Кира надевала красный халатик, Нюта ждала, чтобы мама завязала ей бантом широкий пояс домашнего платица в голубую клетку.

– Девочки почему не зашли? – Спрашивала мама, разглядывая бант и последним движением расправляя его.

– Они торопились. – Приглаживая волосы двумя руками и притопывая ножками в пушистых тапочках, объяснила Нюта. – Я сегодня с ними погуляю?

– Не очень долго, ты же знаешь...

Мать поцеловала её и повела в свою спальню, где всегда поила дочку чаем после школы, беседуя с ней о том, о сём.

– Мы пойдём в библиотеку.

– А, ну это...

Мама мельком спросила:

– И Кира будет?

– Так это её идея.

Та кивнула.

– Дельная барышня.

Но в тоне её не чувствовалось теплоты, одно лишь облегчение.

– Вы в городскую, конечно. – Сама с собой толковала мама, намазывая хлеб вареньем.

Нюта благоразумно промолчала.

– Почему я не могу гулять, когда стемнеет?

Мама подумала.

– Да вот даже подполковник Каменев, уж на что крутой человек, но и он...

– Я знаю. – Нетерпеливо заметила Нюта. – Но ведь была война... а теперь они исчезли.

– Кто? – Застыв с чашкой, спросила мама, её круглое пухлое лицо в кудряшках, скрывающих уши и щёки, слегка изменилось.

Нюта надолго скрылась в облаке пара из чашки.

– Ну... враги... шпионы...

– А.

Мама, казалось, не обратила внимания на заминку.

– Ну, осторожность не помешает. Бережёного, как говорят...

Лиля, распрощавшись с подругами, быстро спустилась по Дворянской улице и, завернув к большому дому, ограж-

дённому красивой чёрной решёткой, остановилась на минутку, вглядываясь в окна второго этажа. Шмыгнув, как ящерица, под решёткой, чтобы не скрипеть воротами, она подошла ближе и вновь изучила обстановку.

В окне кто-то появился, белый и небольшой. Коридорный пёс Бельчик устроился, поставив лапы на подоконник. Он склонил острое рыльце набок и смотрел Лиле прямо в глаза. Бельчик был злоющим псом и признавал только двадцать семь семей из своего коридора. Подруги из-за него не могли заходить за Лилей – боялись. Они выкрикивали её со двора, а Бельчик с ненавистью смотрел на них из окна, подозревая, как видно, в неблагоприятных относительно Лилиной нравственности намерениях.

Только Киру он кое-как терпел, но каждый раз приходилось представлять девочку стражу – и пёс хмуро делал вид, что видит её в первый раз. Кто-то из жителей иногда сетовал на непримиримость Бельчика, но подполковник Каменев или главный хирург города Сюлевич или жена Сюлевича, ещё более видный специалист по трудноизлечимым болезням, возражали:

– Сейчас демократия, нужен же хоть один представитель старого режима.

При этом тот, кому это говорилось, оглядывался, но Каменев или Сюлевичи не оглядывались никогда. Так шутить решались только они. Каменев вообще был человек грозный, с бритой опасной бритвой большой головой, с тяжёлым тор-

сом, втиснутым в мундир, а Сюлевиичи – вдобавок к своей незаменимости – страстные игроки в преферанс. Лиля думала, что игроки вообще люди смелые.

Но, в самом-то деле, коридор был под надежнейшей охраной, пока тут живёт этот белый приبلуда. И откуда взялся?

Бельчик просто-таки никого чужого не пропустит в коридор. *Никого абсолютно...* словом...

Костями ляжет, но дорого продаст жизни из всех двадцати семи комнат.

Лия прошмыгнула к чёрному ходу, где стояли ящики с вывороченной стружкой – раньше там хранились химические средства для экспериментов. В нижнем этаже офицерского дома находилась медицинская лаборатория для опытов на животных. Она завершила своё существование после того, как дети из дома отворили украденным ключом вольер и выпустили собак. Мэр, которому в тот же день положили на рабочий стол информацию с фамилиями виновников, скомкал лист и навсегда вошёл в историю города, сказав:

– Мы калечим души. Собак – по дворам раздать, лабораторию – под ключ, а это....

И он, с отвращением взглянув на медленно разворачивающийся, как оживающая неведомая тварь, лист, показал на него движением подбородка исполнительному секретарю:

– Передайте тому, кто придумал делать из детей преступников. Быть может, ему понадобится сегодня бумага.

Никто не посмел засмеяться, но договор с естествен-

нонаучным университетом на аренду расторгли, заплатив неустойку из горбюджета, а лабораторию немедленно закрыли и сдали фармацевтической фирме под удачный процент. Фирма пока не спешила въезжать, подвал с мрачными под потолок стеллажами и разными, будящими отвращение, устройствами, вделанными в пол на цепях, стоял пуст и тёмный.

Лиля зашвырнула ранец в тёмный зев маленького помещения, расположенного сбоку с нарами для дежурного, и задвинула дружка за ящик.

После этого она, охраняя растопыренными пальцами свой нимб, чтобы не задеть за гвозди, торчащие повсюду из стен, выбралась во двор под крылья уже редющих тополей, пробралась вдоль кованой решётки и, обойдя двор по кругу, сопровождаемая взглядами компании курящих мальчиков, вышла уже на другую сторону улицы – в быстром движении машин и обывателей, в квадратах намытых до радуги витрин.

Сунув руки в карманы, девочка независимо и быстро зашагала к набережной. Она остановилась у автомата с водой, и набрала себе стакан воды без сиропа. Отпив три или четыре глотка ледяной воды, Лиля сделала такое движение, будто собиралась выплеснуть остаток на мостовую, но что-то остановило её внимание в соседней подворотне. Она отошла и села на скамейку, специально помещённую напротив автомата, чтобы люди могли утолять жажду с удобством. Здесь она сделала ещё глоток и, вот бессовестная девочка, честно,

бессовестная, оставила стакан на скамейке, встала и, сунув руки в рукава плаща, пошла по Дворянской к центру.

Из подворотни вышел какой-то высокий, в потёртом бушлате, со светлой неприглаженной головой и, перейдя улицу, остановился возле автомата. Он сел на скамейку в позе лесоруба, поднял недопитый стакан, где оставалось более половины, влил воду в рот, закинув и показав небу сильную линию профиля с вздувающимся кадыком. Поднявшись рывком, подойдя к автомату, очистил стакан струёй фонтанчика и, вставив его в гнёздышко, направился по Дворянской. Его догнал презентабельный молодой джентльмен в сером костюме, с цепью вокруг воротника рубашки вместо галстука и гигантским кольцом на среднем пальце левой руки. Стукнув прохожего кольцом по плечу, он вымолвил:

– Мы ж не договорили...

Прохожий обернулся.

– Потом, потом.

Тот, с цепью, всмотрелся и сказал фальцетом:

– Что с тобой? Ты как минуту назад *вернулся*, вот тебе моё честное слово, Волков. Если б я тебя не знал, подумал бы...

Остановленный, повернув к нему лицо так, что вновь мальчишеский профиль его, резких очертаний, нарисовался на фоне неба между акациями, внимательно посмотрел светлыми необыкновенно пристальными глазами.

– Я спешу. – Был ответ.

И, вправду, заспешил по Дворянской. Походка его была,

как его профиль.

Лиля торопливо прошла по очень чистым улицам центральной части к лучшему скверу в городе. Здесь остановилась у здания в ремонтных лесах. Благородные очертания с лепной датой на фасаде принадлежали кинотеатру «Триумф», у которого три месяца назад появилась новая администрация.

«Триумф» мрачно смотрел в глубину окружённого мачтовыми соснами старинного сквера, своего ровесника, большими мутными окнами в наивных шторах «сборочка».

Лиля глянула на многообещающий символ новой жизни с неопределённой улыбкой, и ушла, повертев в воздухе ладонью.

Зайдя в лавку, купила хлеб с колбасой и, выйдя на улицу, съела колбасу, а хлеб сунула в карман.

Очутившись на длинном, гранитном, ступенями сходявшем к полосе пляжа постаменте, она уставилась на реку.

Потом оглянулась на нескольких гуляющих в конце набережной и медленно спустилась к самой воде.

Ворон в городе

1

Скоро встанет Луна. Согласно дневнику, который Кира вела по настоянию профессора астрономии в астрокружке, она войдёт сегодня в фазу полной видимости и подымется за изгибом Большой Луки из речных вод и в реку же опустится в полдень следующего дня.

В кружок Кира зашла как-то за Лилькой, где та была, оказывается, любимицей профессора. Она, видите ли, отлично читала Созвездия на светящемся потолке и первая догадалась, как использовались пятьдесят шесть лунок, набитые толчёным мелом в Стоунхендже. Лилька бросила кружок, и профессор, очень красивый мужчина, даже пошёл к Лильке домой, в офицерскую коммуналку, где его чуть не искусал Бельчик и где профессор долго прочил в коридоре Лильке славу на учёном поприще и всякие лестные штуки. Лилина мама, белокожая худая женщина с аккуратно подвитыми чёрными волосами, не скрыла удивления. Она и не догадывалась, что Лиля ходит в астрокружок.

Она сказала, что не была так удивлена с тех пор, как семилетняя Лиля искупала свою шестимесячную сестру в холодной воде, пока она сама дежурила в госпитале.

Но никакие уговоры ничего не дали. Лилька больше не пришла в кружок. Профессор чутьчку утешился Кирой, которая стала прилежно ходить на занятия и обладала, по его словам, изумительной усидчивостью.

Таким же манером Лилька бросила драмкружок, отлично отрепетировав Леди Макбет. Она превосходно мыла руки и была убедительна в ночной рубашке. Конечно, старуха актриса, настоящая актриса из столичного театра, эвакуированная сюда в годы войны, никуда уговаривать не пошла. Она была в бешенстве. Перед генеральным прогоном Леди Макбет отказалась выйти на сцену. У неё, видите ли, сильно разболелось горло. Актриса сказала, что актёр играет даже с аппендицитом, и больше не упомянула Лилькиного имени.

Леди Макбет взяли из второго состава, и Кира, игравшая одну из трёх ведьм, не могла не заметить, что качество спектакля ухудшилось, ибо курсант местного училища, игравший Главного Плохого Парня, заметно поскуцнел и всё время оглядывался на сцене. Впрочем, спектакль имел успех.

Так вот, профессор говорил, что частные заметки за Светилами очень нужная вещь и могут сыграть решающую роль в накоплении знаний о природе мироздания.

И она поднялась, белый неровный и блёклый шар, ещё в светлых сумерках и заскользила, не соперничая с фонарями большого города, которые автоматически зажигались там, куда уже прокрадывалась ночь. Вдоль набережной фонари не отбрасывали свет на воду. Тепло, шедшее от реки,

не смешивалось с лёгким холодком нижних улиц. Тянуло затхлостью от затопленного три года назад и лениво осушаемого района.

Тени оживали на улицах и, чем меньше горожан, тем более оживлялись они.

Они вылезали отовсюду.

Кира быстро шла по кривому переулку. Маленькая свечка в окне кухни несколько раз заставила её оглянуться. Кира подумала о своих смутных подозрениях – возможно, это скрытое воспоминание, связанное с отцом.

Мысли эти она тотчас прекратила.

Город к ночи сползал к реке, как живой. Выстелилось, расправившись под хозяйственной рукой, облако. Звёзды задвигались в прорехах. Луну, серую, большую, столкнули с места, она балансировала над шпилем высоты. Небо заваливалось к северу, наступил час вселенской катастрофы и всё, что ни есть, рухнет к чертям в следующие две минуты.

Кира ощутила, что за облаком – дыра, далёкое небо, в котором вращаются сотни земель. Под ногами шорохнуло. Она вздрогнула. Клочок газеты, выныривая в свете фонаря в конце переулочка, пробежал мимо. У него под влиянием ветра появилось подобие души. Кира издали для смеха попыталась прочесть заглавную надпись, и ей показалось, что она прочла что-то несусветное.

Она заторопилась. Переулок не нравился ей в сумерках.

У Нютиногo особнячка она увидела метнувшуюся за де-

рево тень. Окликнула, и к ней подошла встревоженная Нюта. Девочки, обменявшись парой слов, вышли вскоре на освещённую улицу.

– Мама похвалила... – Рассказывала Нюта. – Она думает, я в городскую...

Лиля ждала их у скрещения улиц. Смурная, с голодным блеском в зелёных глазах. Ага, опять прошлялась по улицам, не заходя домой, подумала Кира.

Руку гулёна держала в кармане так, словно там сидело что-то живое. В ответ на взгляд Киры она вытащила руку. В пальцах был зажат полураскрошенный кусок хлеба.

– Хочешь?

Кира назидательно ответила:

– Порядочные люди пообедали и сделали уроки.

– Ах, поря-ядочные... – Протянула Лиля, пряча хлеб.

Нюта в обществе подруг развеселилась.

– У нас был омлет в бульоне. – Сообщила она.

Кира сказала:

– Поздравляю. – И обратилась к Лиле. – Ну?..

Три пары девичьих ног уже уводили их, точно небольшого ассирийского многоногого быка, по направлению тёмной северной части города. Освещение слабело, оранжевые шары фонарей всё реже мелькали в кронах деревьев.

Зато Луна неуклонно следовала за ними. Лиля пожаловалась на шумных соседей.

– Там есть семейка с малолетними бандитами.

– Скока-скока? – Заинтересовалась Кира.

– Одному два года, другому два и девять месяцев. – Последовал ответ. – Родителям надо бы сходить к нам на пару уроков биологии, а то там скоро жить будет негде.

Нюта захихикала. Кира без малейшего смущения возразила:

– Пусть размножаются.

– Хорошо, я им скажу.

– Постой... – Спихватилась Кира. – Почему я их не слышала?

– Они в это время спят, очевидно. Мёртвый час у них был.

– Терпеть не могу это выражение. – Поёжилась Нюта. – Страшное какое-то.

– А я терпеть не могу бандитов.

– А что, – осекла Кира. – Раньше так называли людей, которые гуляли в поле. Вольных людей. Ну, ты понимаешь.

Лиля посмотрела на неё.

– Я подумаю над твоими словами. Мы пришли.

Высокие стены казарм описывали круг и уползали ракушечкой внутрь. Девочки, волнуясь, ступили на гладко асфальтированную дорожку. Стены были тоже разглажены изнутри. Они прошли вдоль стены и завернули за каменную спираль. Послышалось движение в темноте, и Нюта успела вскрикнуть. Навстречу выступил рядовой в каске и сурово пробасил:

– Та-ак... диверсия?

Лиля увидела, что глаза его смеются.

– Товарищ, мы в библиотеку вашу идём. У нас в школе задание, а информации нету.

Слово *информация* понравилось патрульному.

– А вы точно не диверсанты? – Спросил он. Кира с Нюткой хором принялись уверять его, что нет.

– Мы из тридцать седьмой. – Обронила Лиля, не принимавшая участия в переговорах.

Солдатик поднял брови.

– Бац.

Похоже, он тоже слышал о монастыре, потому что сдержанно улыбнулся. В глазах промелькнуло намерение, и он хотел что-то сказать, но смолчал. Шёпотом, подумав, предложил:

– Вон огонёчек, видали? Это, значит, библиотечка. Там дежурный офицер. Идите тихонечко вон по этой дорожке, – и он указал с первого взгляда неприметную тропу, уводящую с основной дороги и, казалось, упирающуюся в стену каменной спирали.

– И не сворачивайте... – С особенным блеском в глазах добавил он.

– А то, что? – Переспросила Лиля.

Он помедлил, видно, сердясь на себя.

– А то бука выскочит. Валяйте, пока я не передумал.

Девочки заспешили по тропинке. Он наказал вслед:

– И назад так же идите... козы. Если в нехорошее место

попасть не хотите.

Лиля обернулась. Темнота со светом, видно, резались в очко, и глаза её были отчётливо видны в темноте.

– Здесь бы хоть один из пистолетов твоего отца. – Шёпотом сказала Кира.

Лиля не ответила.

Тропинка, обсаженная гладколиственным кустарником, упруго подающимся под прикосновениями, вела прямо в стену. Кира остановилась.

– Калитка, видите?

Увитая жимолостью, очень мирная на вид высокая калиточка легко открылась. Лиля вслед за оживившейся и не отрывающей взгляда от светящихся окон Кирой вошла в пахнущий влажностью и листьями дворик. Мельком через густое плетение кустов она увидела что-то красное на основной дороге. Это были лоскутки материи, висящие на деревьях. Нехорошее место? – пробормотала она.

– Чего тебе? – Торопливо дыша, спросила Кира, берясь за Лилин рукав. – Давай. Где там белая?

Нюта, покрасневшая от усилий и темноты, неуклюже влезла за ними.

Дворик потерялся во мраке, в углу торцом выступал котедж, мало похожий на официальное здание. Окна насыщены густым хорошим светом сильных ламп.

– Какое симпатичное электричество. – Похвалила Кира.

Лиля оглядела дверь. Над нею глазел фонарик. Кира от-

странила Лилию и, постучав, сразу же приоткрыла дверь.

Маленькое, доверху набитое книгами помещение встретило их. Похоже, книги спешно упаковывали для отправки – кругом стояли ящики и лежали мотки верёвок.

Металлические стеллажи, теснясь, занимали почти всё помещение. Сбоку у зарешёченных окон поместились несколько столов. Кира сразу обратила внимание, что книги в большинстве старые, частью совсем ветхие. В коробке у выхода лежала раскрытая. Кира нагнулась и прочла не без труда пару строк. Текст набран старинным шрифтом, некоторые буквы непонятны, как выпавшие из конструкции или подменённые детали.

В комнате никого. Девочки оглянулись. Нюта кашлянула. Девочки посмотрели на неё.

– Так делают. – Пояснила она. – Так принято, когда...

Из-за стеллажа показался погон с двумя большими звёздами. Девочки уставились на него. Вышел офицер, толстоватый и румяный, в больших очках. Увидев девочек, он ничуть не удивился.

– А вот и они. – Как игрушечный мишка, загудел он. – Пожаловали, наконец, и ловить никого не придётся.

Нюте стало жарко, и она теребила широкий пояс своего пальто.

– Мы... – Начала Кира.

Офицер показал пальцем на неё, на Лилию и на Нюту.

– Мои одиннадцатый, двенадцатый и тринадцатый посе-

тители... за весь год.

Он рассмеялся. Заулыбались с неуверенными лицами и Кира с Нютой. Кира принялась объяснять, зачем они пришли, и спохватилась. Офицер, пожалуй, их не слушал.

— Мы не поздоровались. — Чопорно молвила Кира. — Извините.

Офицер воскликнул:

— Вот и верно. Чувствую, что-то не то.

Он сделал к ним пару шагов. Нюта попятилась.

— Капитан Верников. — Вскидывая пухлую и тоже румяную ладошку, объявил он. — И страшно рад.

Девочки представились, чинно выходя вперёд на шаг.

Капитан с удовольствием повторял их имена, пробуя на вкус тёплыми, вылепленными для мира и второй порции каши, губами. Через минуту они уже болтали, как старые приятели.

Выяснилось, что капитан — один из дежурных по библиотеке до её окончательного вывоза. Так как он чаще других дежурил при дедушке... он осёкся и пояснил:

— Тут один генерал живал, чай гонял. Он и книжки эти по-выписал незнамо откуда. Вроде как попользоваться на время.

От Лили не укрылось, что при слове «генерал» он споткнулся и выговорил его с сомнением, но чрезвычайно подбострастно.

— Амуницию зело неформенную имел.

Он потерял свой глухой френч.

– Старый совсем, – добавил он. – Вы ему не говорите, что я его дедушкой назвал. Осерчает.

Кира успокоилась и весело пообещала:

– Не скажем, товарищ капитан.

Девочки вразнобой принялись уговаривать капитана, что не подведут его, ежели им доведётся встретиться с дедушкой.

– А почему вы чаще всех дежурили? – Спросила Кира.

Капитан объяснил, что книжки любит почитать. При этом он раздражённо посмотрел на стеллажи, и девочки поняли, что подбор книг его разочаровал.

– А вам бы чего хотелось?

– Нам нужны материалы про, э...

– Про что? – Повторил он, внимательно глядя на Киру, взявшую на себя роль парламентаря.

Лиля, стоявшая тихонько и разглядывавшая полки, вмешалась:

– Про оплодотворение у многолепестковых. – Отчеканила она.

Капитан пожевал губами. Он выглядел чуточку сбитым с толку.

– М-да. – Протянул он и тоскливо обернулся на полки.

Он снова посмотрел на посетительниц.

– А, может, – он залихватски улыбнулся, – вы бы, товарищи школьницы, самообслуживанием занялись, а? Я, ежели честно, не сильно разбираюсь в этом душещипательном во-

просе. Не, оно, конечно, дело нужное, но... не силён.

Он указал на башенки полук и с таинственным видом прищурился.

– Может, и найдёте. Тут много чего...

Он снова с сомнением огляделся, не верил в свои слова. Прошептал что-то, Кира не расслышала – вроде по адресу бабушки.

– Хорошо. – С неохотой согласилась Лилия. – Мы постараемся.

– Отлично. – Повеселев, заявил капитан. – Тогда, я с вашего позволения, паковкой займусь...

И он обвёл широким жестом коробки и мотки верёвки. Нюта снова подёрнула ремень.

– А вы, милые, располагайтесь... – Предложил он. – Вот сюда можете пальтишечки устроить. Я послежу, чтобы домоуой не унёс.

Кира без охоты сняла «пальтишечко». Под ним оказался свитер и домашняя, маловатая юбка. Она заметила, что капитан, сразу вернувшийся к своим занятиям и уталкивающий книги в ящик, не посмотрел на неё, но мельком взглянул на сбросившую плащ Лилию и копошливо растёгивающую ремень Нюту.

Оставив вещи под присмотром дежурного, который опять заверил, что проследит, они пошли вдоль полук. Нюта с опаской придерживала нарядное домашнее платье. Лилия, разумеется, в форменном, но ворот растёгнут.

Девочки снимали с полок толстые и тонкие тома, томики, цветные и блёклые, крепкие и едва живые, вроде военных в отставке и штафинок, склоняя головы, читали названия на корешках. Но на многих названий не было, а те, что остались, так затёрлись, что приходилось вытаскивать книги, чтобы рассмотреть. Обычно в библиотеке куча всяких разделителей и надписей на полках, где что стоит, но здесь ничего подобного не наблюдалось.

Возможно, в расстановку и заложили какую-то систему, но девочки скоро отчаялись найти путеводную ниточку.

В поисках они зашли за самые дальние полки. Им пришлось перешагивать коробки и проволоку, конец которой за чем-то утопили в оштукатуренной стене.

– Смотри, это то? – Спросила Нюта, показывая не очень старый том. Она предусмотрительно держала его подальше от себя, так как по переплету кто-то небольшой осторожно шёл.

Кира перегнулась к ней над пирогом из диссертаций и прочла:

– Ботанические тетради короля... – дальше шло имя короля, которое шуткарь-наборщик изобразил таким витиеватым образом, что Кира отказалась от знакомства с этой священной особой.

– Голова садовая, – молвила она тихо. – Зачем нам это?

Нюта растерянно посмотрела на неё.

– Но Лилька же сказала...

Кира отобрала у неё том и, выразительно закатив глаза, стряхнула существо, тут же повисшее на паутинке. С усилием втокнула книгу на законное место. Это оказалось не просто – обитатели жили в такой тесноте, что сразу смыкались на полке, стоило вытащить кого-нибудь из них.

Лиля остановилась у маленького косого оконца, полузакрытого одним из стеллажей. Она заглянула в окно – маленький дворик, качельки и в глубине играли дети.

Лиля отметила, что картина самая обычная, и отошла. Тут же спохватилась и кинулась обратно, задев локтем полувывороченный с полки фолиант. Какая же обычная, если они на территории казарм? Может, тут расквартированы семьи военных?

Она снова посмотрела в слабо освещённое окно. Конечно, ветки деревьев и лестница для подтягивания новобранцев сами собой сложились в образ детской площадки. Там и в самом деле кто-то двигался, небольшие энергичные фигурки. Лиля, прижавшись щекой к забытой среди стеллажей стремянке и вдыхая запах металла и пыли, следила за мечущимися в ветках очертаниями.

Она отпрянула, когда Кира коснулась её руки.

Кира смотрела на неё, показывая на что-то глазами. Лиля ответила непонимающим взглядом, спала наяву. Кира ласково её подпихнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.